

The background of the entire page is a light blue sky with soft, wispy clouds. Several angels with large, feathered wings and long, flowing white dresses are depicted in various poses of flight. One angel in the top left is reaching out with her right hand. Another in the top right is holding a bouquet of blue flowers. In the center, two smaller angels are flying towards each other. At the bottom, a group of five angels is shown; one is playing a lyre, while others are holding flowers or gesturing. Two birds are also flying in the upper right. The left and right sides of the page are framed by vertical borders of blue flowers and green leaves. The text is centered in the upper half of the page.

Лиля Поленова

Малаховку нельзя вернуть

Лиля Поленова

Малаховку нельзя вернуть

«Автор»

2026

Поленова Л.

Малаховку нельзя вернуть / Л. Поленова — «Автор», 2026

Лада Вершинина возвращается в Малаховку после шестнадцати лет отсутствия. Когда-то это место было ее личным раем: дача, лето, друзья детства, старые дома, тропинки и ощущение, что здесь с ней не может случиться ничего плохого. Но первое же возвращение оборачивается находкой, после которой прошлое перестает быть безопасным. В старой Малаховке сходятся семейные тайны, забытые имена, чужие наследства, давние обиды и деньги, спрятанные глубже, чем кажется. Лада снова встречает Ивана и Юру — мальчишек из своего детства, ставших совсем другими людьми. Вместе им придется понять, что скрывал дом Суворовых, почему старая кукла с медальоном оказалась важнее архивных бумаг и можно ли вернуться туда, где когда-то был счастлив. «Малаховку нельзя вернуть» — роман о тайне прошлого, любви, памяти и месте, которое можно найти снова, но невозможно вернуть прежним.

© Поленова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пролог	6
Глава 2. Дома у Ивана	15
Глава 3. Звонок Розенберга	21
Глава 4. Машина у «Сказки»	25
Глава 5. Еврейское кладбище	28
Глава 6. Вечер у Ивана	34
Глава 7. Тамара Васильевна	38
Глава 8. Квартира Ланской	44
Глава 9. Голубая дача	47
Глава 10. Незапертая дверь	50
Глава 11. Кукла с медальоном	53
Глава 12. Шелковый след	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лиля Поленова

Малаховку нельзя вернуть

Лиля Поленова

Малаховку нельзя вернуть

2026

В подмосковной Малаховке спустя много лет встречаются двое мужчин и женщина, когда-то близкие друзья. Расследование убийства втягивает их в загадочную историю. В центре событий оказывается поиск неизвестного рисунка Марка Шагала. Детективная интрига, история любви, семейные тайны отголоски лихих девяностых складываются в роман, где разгадка оказывается совсем не там, где её ищут. Но вернуться туда, где они были молоды и счастливы, уже невозможно.

Лиля Поленова

Малаховку нельзя вернуть.

Роман. Филадельфия, 2026г. - 457 с.

Издатель: Павел Мостинский

Все права защищены

ISBN 978-1-965104-18-7

Lily Polenov

There's No Going Back to Malakhovka

Philadelphia, 2026 - 457 pp.

Published by Paul Mostinski

All rights reserved.

ISBN 978-1-965104-18-7

© Lily Polenov, 2026

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет.

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..

Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,

Но, значит,

Любили и нас.

Сергей Есенин. «Анна Снегина»

Глава 1. Пролог

Август в Подмосковье — самое лучшее время. Днем уже не жарко, а ночи так просто холодные. Воздух мягкий, шелковистый, нежный. Пыль слегка прибило, а пахнет... Бог это знает чем пахнет. Весной — цветами всякими, потом сладкой черемухой, сиренью, жасмином. В июле пахнет пылью, а в августе запах какой-то непонятный — немного сосновой хвои, немного дымка, немного скошенной травы. Вроде легкий запах, почти неуловимый, а если один раз подышал — и ни с чем не перепутаешь и никогда не забудешь.

Лада Вершинина шла по Малаховке от станции к дачам по знакомым и в то же время почти забытым улицам. В августе темнело

и в шесть часов вечера солнце еще светило, хотя было совсем не жарко. Лада радовалась, что в электричке накинула джинсовую куртку. Недавно она справила сорокалетие и еще не успела привыкнуть к этой новой цифре. Все казалось, что ей тридцать с небольшим, ну тридцать пять, а потом вдруг вышло, что молодость не где-то там впереди кончается, а уже вполне официально кончилась, и пошел пятый десяток. Впрочем, внутренне она этого совершенно не чувствовала.

«Сколько же я тут не была? Лет двадцать, не меньше. Ну конечно, шестнадцать лет. Как все изменилось... И не изменилось тоже. Вот этого дома не было. И этого. И этого псевдозамка не было, чудовище какое. Ой, а эта избушка косая — старенькая, похоже, они за двадцать лет забор даже не поменяли. Кто там жил? Не помню. Улицы по-старому называются, смешно...»

Лада знала, что знаменитый деревянный малаховский театр сгорел, поэтому пошла от станции вдоль железной дороги по Южной улице, свернула налево, на улицу Луначарского, перешла Тургеневскую. С раннего детства она ходила этой дорогой домой со станции — с бабушкой, с дедом, с мамой и папой. Потом уже и сама бегала, и на велосипеде носилась, каждый камешек тут знала. А потом как-то кончилось детство, но Малаховка оставалась. Дедушка и бабушка жили тут круглый год. Лада жила с родителями в Москве, но у деда с бабушкой бывала часто, иногда жила по нескольку дней, а один раз даже зимовала целую зиму — так обстоятельства сложились. С родителями поссорилась, в личной жизни был какой-то раздрай, в Москве противная слякоть. Она заехала навестить стариков, а тут лежит нетронутый снег, красота, тишина. Ночью сугробы отливают синим, звезды большие, яркие, не то что московская мелочевка. Идешь ночью в уличный дощатый туалет, другого не было, мороз покусывает щеки. Где-то с ветки кусок снега с шуршанием падает — и опять тишина. Лада подумала, что надо обязательно написать этот зимний вид, благо этюдник оказался с собой, а если чего не хватит — можно у деда взять и краски, и кисточки, и холст. Дед Лады профессиональным художником не был, но очень неплохо рисовал и даже иногда писал маслом. Это под его влиянием Лада поступила в художественное училище. Лада хотела зависнуть на пару дней и прожила до весны. Ела бабушкины блинчики с малиновым вареньем, пила чай из старинных фарфоровых чашек с золоченым рисунком и слушала дедовы рассказы про старую жизнь, про Петербург, где дед родился в незапамятные времена, в самом конце девятнадцатого века, про старую Малаховку, про разных удивительных людей, которых дед видел в жизни. Так незаметно зима и пролетела.

А через несколько лет дед начал болеть и умер. И волшебный уют рассыпался. Бабушка не находила себе места, из нее ушла вся ее обычная энергия, она вдруг стала старенькой и неловкой. Разбила сервиз с красным рисунком и позолотой, как-то весь сразу: решила зачем-то его «освежить», достала из буфета, и чашки попрыгали у нее из рук. Разбились все, кроме одной, но и у той отбилась ручка. Потом на умывальнике лопнула старинная фаянсовая раковина, расписанная ирисами, настоящее произведение искусства. А потом бабушка упала, сломала ногу, больше жить одна не могла, перебралась в Москву к сыну, Ладиному отцу. Мама с папой к этому времени давно развелись, и Лада вместе с мамой уехала в Америку. С тех пор прошла целая жизнь, Лада думала, что Малаховку уже никогда не увидит. Бабушка умерла, старый дом отошел государству еще до приватизации жилья. По Москве Лада почти не скучала, а вот по Малаховке — очень сильно, даже иногда во сне видела. По зиме с синими сугробами и горбушкой луны среди звездной россыпи. Но особенно по августу, шелковистому воздуху, отходящему лету, долгим вечерам. Где-то постепенно затихают детские голоса и звоночки велосипедов, сумерки подбираются медленно, под сиреневым кустом стол с самоваром. Дорожка к туалету заросла золотыми шарами, а под окном уже распускаются астры. Ладе даже снились эти вечера и запах астр, хотя, как известно, астры решительно ничем не пахнут. Это флоксы пахнут. Цвели ли в августе флоксы, Бог их знает, но как же было там хорошо.

Отец Лады в Америку не уехал, но в Малаховке бывал очень редко, навещал могилу родителей раз в год, в родительскую субботу. И однажды встретил на кладбище Ладиного соседа,

ровесника и друга детства Ваньку Полякова. Ванька красил оградку на могиле своей матери и тоже занялся этим в родительскую субботу.

Участки, где жили Лада и Ванька, разделял забор. В детстве они были закадычными друзьями, хотя иногда ссорились до драки. Ванька пускал в ход кулаки, Лада — слезы и визг, а иногда звала бабушку, так что поле боя оставалось за ней. Но после непродолжительной ссоры они снова мирились. В конце школы между ними случился даже

Ну как роман, так, ерунда, конечно, но все-таки первая любовь. А потом как-то разбросала жизнь. Лада в основном жила в Москве, Ванька — в Балашихе, там его родители получили квартиру. Жизнь стала совсем разной. Встречались иногда в Малаховке случайно, болтали через забор, все собирались встретиться толком, посидеть, но так и не встретились. В сущно-

сти, говорить им было особенно не о чем, а детство, когда они могли сидеть на крыше сарая и говорить обо всем на свете, отошло далеко.

Ванька очень обрадовался, увидев Ладиного отца, удивился, узнав, что Лада давно в Америке. С ним тоже произошли чудесные перемены: он стал богатым человеком, а дом в Малаховке приватизировал, перестроил, точнее, построил новый на месте деревянного. Но не уродский новорусский особняк, а красивый, какой-то легкий, летящий, из светлого дерева. Лада приехала в Москву навестить отца, созвонилась с Ванькой, они встретились в городе, вместе пообедали. А теперь Лада ехала к нему в гости. Она с удовольствием шлепала кроссовками по пыльной дороге. «Асфальт-то так и не положили, новые русские! Ну и хорошо».

По правую руку началась рощица, которую, сколько Лада себя помнила, называли Полянкой. Может быть, задолго до Ладиного рождения там и впрямь была какая-то поляна, но уже лет пятьдесят там росли деревья — в основном американские клены, березы и тополя, а среди них петляла главная дорожка, от нее вбок отходили дорожки поменьше. Главная пересекала Полянку по диагонали и выходила к задкам дома Суворовых, бабушкиных и дедушкиных друзей. Рядом с Суворовыми был магазин, который местные называли палаткой, хотя уже в Ладином детстве это была бетонная коробка, а сейчас, по Ванькиным рассказам, почти супермаркет и снаружи похож на теремок. Ладе захотелось посмотреть на дом Суворовых, если он уцелел, на обновленную палатку-теремок, и она свернула на дорожку, пересекавшую Полянку.

Деревья изрядно разрослись, никто их за эти годы не трогал. Окружающее Лада не узнавала, и вдруг сбоку мелькнул знакомый силуэт — сгоревшее дерево. Непонятно, как оно уцелело за эти годы, но оно всегда тут было, сколько Лада себя помнила; кажется, в него ударила молния, расколола, и оно торчало обугленное. Под этим деревом был пенек и лежало бревно, место получалось укромное, там Лада, Ванька и их третий приятель Юрка в школе тайком курили и пробовали портвейн.

«Да ну, ерунда, — отмахнулась Лада от глупых воспоминаний, — сгоревшее дерево давно сгнило, это какое-то другое. Ваня говорил, что в девяностые в Малаховке было очень много пожаров». Но ноги сами понесли ее к памятному месту через какие-то кустики и сломанные ветки. Конечно, место было другое, но тоже скрытое от глаз. Никакого пенька, никакого бревна, почему-то ветка у американского клена на уровне лица сломана. Лада отвела сломанную ветку и замерла.

На земле лежала женщина. И женщина была мертвая, живые так лежать не могут. По ее лицу ползали здоровые муравьи.

«Наверно, тут муравейник», — подумала Лада.

От неожиданности она даже не испугалась, просто стояла и смотрела на мертвое лицо. «Я ее не знаю», — подумала Лада, и вдруг ее окатил ужас. Из ушей как будто выдернули пробки, до нее сразу донеслись шум и голоса, живот свело, она попятилась, развернулась и бросилась бежать.

Долго бежать не получилось, закололо в правом боку. Свернув на Советскую улицу, Лада перешла на быстрый шаг. Около своей калитки стоял Ванька и крутил головой, высматривая ее. Увидел — растрепанную, покрасневшую. Лада кособоко ковыляла, прижимая правую руку к боку, вид у нее был безумный. Ванька быстро пошел ей навстречу, и она ткнулась носом в его широкую грудь.

— Там... там... там труп!

— Какой труп? — растерялся Ваня.

— Женский. Недалеко от Суворовых.

— Чей труп?

— Я ее не знаю. — Лада снова начала дрожать и тяжело задышала. — Что делать-то, Вань? В милицию надо. Я боюсь, Вань.

— Пошли к Юрке! — Ваня взял ее за руку и быстро повел в сторону палатки.

— К какому Юрке? Зарубину? А при чем тут Зарубин? Пойдем к ментам.

— А он и есть мент. Капитан, кажется. Только бы он был не на дежурстве и не в запое.

В детстве Зарубин был третьим членом их маленькой компании. Лада не знала, что он стал ментом, она его с детства не видела.

Зарубин оказался дома, точнее, на улице рядом с домом. Он был не очень трезвый, но и пьяным его не назовешь. Задумчиво красил забор в нежно-салатовый цвет. Увидел Ладу, расплылся в улыбке, вытер руки тряпкой и распахнул объятия.

— Какие люди! Ты откуда здесь? Прямо из Америки своей?

Лада чмокнула его в щеку. Он с детства мало изменился. Они с Ваней были как позитив и негатив — оба высокие, но Ваня блондин с прямыми волосами и светлой кожей, а Юрка смуглый, с темными кудрями и длинными ресницами, немного похож на цыгана.

— Пойдем в дом? У меня водочка есть, огурчики свои, мама солила. Ты, Ладка, водку-то еще пьешь? Да что с вами, вы вздернутые какие-то? Случилось что?

— Лада труп только что нашла. На Полянке.

Юркино лицо по инерции еще улыбалось, но глаза стали серьезными, а потом и губы поджались.

— Около дома Суворовых? — почему-то спросил он не у Лады, а у Вани. — Убили?

— Да я откуда знаю, пойдя посмотри, ты мент. Труп только Лада видела.

— Что происходит, черт... — пробормотал Юрка, полез в карман за мобильником, жестом показал, чтобы они оставались на месте, и пошел в дом, прижимая телефон к уху.

Вскоре он вышел уже не в домашней одежде, и они заспешили к Полянке.

Лада показала место, где она нашла труп, но подходить не стала. Было не то чтобы страшно, но очень неприятно. Со стороны станции подошли какие-то люди, пара человек в милицейской форме, пара — без. Лада стала оглядываться по сторонам, чтобы не видеть, что происходит под кустами, посмотрела в сторону дома Суворовых.

Она любила этот дом. Он был деревянный, какой-то занятой архитектуры, похожий на замок. На веранде — цветные стеклышки. Внутри стояла старая мебель, даже абажур у люстры выглядел древним. В доме было множество удивительных предметов, которые так интересовали ее в детстве: фотоальбомы в плюшевых обложках, какие-то картины в потемневших рамах, музыкальная шкатулка, разные статуэтки, веер с кистями, модель парусника, настоящий самовар. Чай пили из чашек тончайшего фарфора. В доме жили тетя Вера и дядя

Саша, друзья ее бабушки и дедушки. Тетя Вера была очень доброй, всегда что-то старалась ей подарить, разрешала в доме все трогать и всюду заглядывать.

На комодѣ сидѣла старинная кукла в шелковом платьѣ и чепцѣ с пожелтевшими кружевами. Лицо у куклы было фарфоровое, и ручки тоже, а тело ватное; как с такой играть — непонятно. Но она была такая красивая, что маленькая Лада ее рассматривала и с ней разговаривала. Ей казалось, что кукла похожа на тетю Веру в молодости, на тех фотографиях в плюшевых альбомах. Тетя Вера потом подарила Ладе эту куклу, настояла, только велела не снимать медальон, пришитый к платью.

Уезжая в Америку, Лада отдала куклу Тамаре Васильевне, Юркиной матери. Она боялась, что кукла антикварная и через границу ее не пропустят.

Наконец у Лады взяли показания. Сказать ей было особенно нечего: шла со станции, сошла с дорожки, чтобы поближе посмотреть на дом Суворовых, увидела труп. Она подписала какую-то бумажку и подошла к Ивану. Он держался в стороне, подальше от ментов. Они пошли к дому Ивана, Юрка остался выполнять свои обязанности.

Глава 2. Дома у Ивана

Иван жил все там же, на том же участке, только дом был уже совсем другой. Старый, где жили его родители, Лада помнила очень хорошо: низкий, деревянный, с тесной застекленной верандой, с печкой, которую не топили с тех пор, как провели газ, но не ломали на всякий случай. Половицы там скрипели, дверь зимой разбухла, в сенях всегда пахло картошкой и мышами. Новый дом стоял на том же месте, но к старому не имел никакого отношения. Не дворец и не та нелепая крепость с башенками, которыми в девяностые изуродовали пол-Малаховки, а что-то легкое, светлое, с большими окнами и гладкими стенами из светлого дерева, с какой-то североευропейской простотой. Внутри было тихо. Это была не дачная тишина, сквозь которую слышно чужой велосипед, ведро у колонки, кашель за забором, а другая — когда окна закрыты, звук не гуляет и шаги по полу не отдаются по всему дому.

Иван провел ее в комнату с большим окном в сад, и Лада только тут поняла, что ноги у нее дрожат всерьез. Пока шли от Полянки, пока рядом были люди, милицейская суeta, чужие вопросы, бумажки, — она держалась. Теперь все это кончилось. Она села на диван у окна и почувствовала, что внутри стало пусто и холодно.

Иван ничего не сказал, просто ушел и вернулся со стаканом воды. Стакан был тяжелый, толстого стекла, с гладким ободком. Лада взяла его обеими руками и выпила почти залпом.

— Ну что? — спросил Иван. — Полегче?

— Не знаю. Трясет. И как-то все не по-настоящему. Будто я не сама это видела.

— Это пройдет.

— Откуда ты-то знаешь?

Иван сел напротив и после короткой паузы сказал, что видел, как людей после такого колотит. В девяностые, по его словам, он насмотрелся всякого. Лада только сейчас его толком рассмотрела. Когда-то Ванька был здоровый белобрысый мальчишка, с которым можно было лупить палкой крапиву, драться из-за ерунды и лазить на сарай. Теперь перед ней сидел крупный мужчина с широкими плечами, спокойным лицом и руками не кабинетного человека. Спросить подробнее она не решилась, как-то его вид не располагал к вопросам.

Она огляделась. Большая комната, светлый пол, широкий диван, кресло у окна, длинный низкий стеллаж, а на нем книги, альбомы и несколько старых фотографий в простых рамках. На стене висела большая черно-белая фотография зимнего леса, очень хорошая, но без претензии. У окна стоял высокий торшер с белым абажуром, а на подоконнике — только плоская стеклянная пепельница. Чистая, без окурков. Лада почему-то сразу запомнила именно ее. Значит, не курит. Иван проследил ее взгляд:

— Курю, — ответил он на незаданный вопрос, — но мало и редко. А ты кури, если хочешь.

— Красиво у тебя, — сказала она. Он кивнул.

Постепенно, из его коротких ответов и ее разглядывания, само собой сложилось ощущение дома: без показного уюта, без случайного хлама, без вечного телевизора, орущего для фона. Лада даже призналась, что ожидала увидеть что-нибудь куда более вульгарное — колонны, фонтан в прихожей, позолоченные ручки. Иван сказал, что фонтан не поместился. Потом добавил, что ее саму тоже не сразу узнал: идет какая-то тетка в джинсовой куртке, а потом смотришь — нос-то знакомый.

— Спасибо большое.

— Хороший нос.

С ним и в детстве так бывало: скажет что-нибудь деревянное, и непонятно, то ли дразнится, то ли это у него нежность такая. Скорее второе, только в неудобной упаковке.

Лада откинулась на спинку дивана. За окном виднелся кусок участка: сосны, дорожка из серых плит, трава, сирень у забора. Ни цветочных клумб, ни лебедей из покрышек.

Потом разговор как-то сам собой перешел на личную жизнь, точнее, на ее отсутствие. Иван, как выяснилось, был когда-то женат, но детей не нажил и жил теперь один. Про себя Лада сказала с большей охотой. Замужем она была, да. Неудачно, но без трагедии. Развелась и не то чтобы сильно об этом жалеет, просто история оказалась такая муторная, что второго захода ей пока совершенно не хочется. В Америке, сказала она, разводиться долго, дорого и унизительно: сначала ты уже все понял, потом адвокаты еще год объясняют тебе это за деньги. Так что на данный момент она предпочитает свободу — не по идейным соображениям, а просто из лени и самосохранения. Иван выслушал, кивнул и заметил, что это на нее похоже. Что именно «это», он не объяснил, а Лада не стала уточнять.

И тут ее вдруг передернуло. Перед глазами снова на секунду возникло лицо женщины и муравьи на щеке. Она быстро закрыла глаза.

— Не думай, — сказал Иван.

— Хороший совет.

— Другого пока нету. Хочешь чаю?

Он встал и пошел на кухню, а Лада осталась сидеть, слушая, как он там двигает что-то, открывает шкафы, ставит чайник. Звуки были спокойные, домашние. Мир не изменился. Просто в нем сегодня нашелся труп, а чайник все равно шипит как положено.

Когда Иван вернулся, у него на подносе были чайник, две чашки и маленькая вазочка с сушками.

— Господи. Сушки?

— А что?

— Ничего. Просто неожиданно.

— Ты же любила.

— Это было лет сто назад.

Он поставил поднос на стол. Чай был не пакетированный. Крепкий, темный.

— У тебя всегда так тихо? — спросила она.

— Тебе музыку включить? — удивился он, — Или телевизор?

— Нет-нет. Просто странно. Люди обычно любят какой-нибудь шумовой фон.

— А зачем?

— Ну, не знаю. Для жизни.

— Жизнь и так есть, а шума я не люблю.

Она посмотрела на него поверх чашки и подумала, что Ванька, похоже, прожил какую-то очень специальную жизнь, которая научила его не включать телевизор для фона, не говорить лишнего и держать дом в таком порядке, который не похож ни на женский, ни на холостяцкий. Просто все на месте.

Потом разговор свернул к дому Суворовых. Иван сказал, что дом стоит, хотя постоянно там никто не живет. Кто-то время от времени появляется, потом исчезает. Бумаги, родственники, какая-то мутота.

— Жалко дом, — сказала она. — Я его любила.

— Да жалко, если хозяева не объявятся, он совсем разрушится. Дома пустоты не любят. В Малаховке и так мало старых домов осталось.

И Лада вдруг увидела сразу все разом: старую веранду Суворовых с цветными стеклышками, куклу на комод, тетю Веру, чай из тонких чашек, себя, маленькую, с разодранной коленкой, Ваньку, который орет из-за забора, чтобы она выходила, Юрку с вечно сбитыми локтями. Как будто кто-то на секунду приоткрыл дверь, за которой стояла вся прежняя Малаховка, живая и целая, — и тут же опять закрыл.

Она спросила про убитую женщину. Иван сказал, что она не местная, если бы была местная, он бы знал. И еще — шла она, скорее всего, к Суворовым или от них. Лада попыталась возразить, что, может быть, просто через Полянку, но и сама поняла, что это слабое объяснение. Тропинка вела не на прогулку, а именно к задней калитке.

За окном свет начал уходить. Не темнеть еще, а тускнеть. В августе это всегда происходит исподволь: минуту назад все было золотистое, а потом вдруг золото сняли, как тонкую пленку, и остался просто вечер. Лада поймала себя на том, что все время прислушивается: не войдет ли кто, не хлопнет ли калитка. Ждала Юрку. Должен же он прийти и что-нибудь сказать — не по делу, так хоть по-человечески.

Юрка пришел минут через сорок. Не позвонил, а просто открыл дверь и вошел, как всегда в детстве входил к соседям, не спрашивая разрешения. Был он уже не в домашнем, а в куртке поверх рубашки, и лицо у него было рабочее: собранное, злое и немного веселое.

— Ну что, американка, — сказал он с порога. — Далеко ты от нас не уйдешь. Может, завтра еще раз показания писать будешь.

— И я тебе ужасно рада, — сказала Лада.

— А я-то как счастлив. Ваня, налей человеку. И мне тоже.

— Чай? — спросил Иван.

— Ты с ума сошел? Какой чай? Водки налей. У тебя же есть что-нибудь приличное?

Иван без слов ушел и вернулся с бутылкой, тремя стопками и тарелкой квашеной капусты с луком и подсолнечным маслом. Капуста была холодная, блестящая, пахла правильно, по-домашнему. Юрка сразу оживился.

— Вот. Я всегда говорил, что у Ваньки есть вкус. Не в бабах, конечно, тут история сложная, а в закуске.

— Ешь уже, пей, но лучше молча. — сказал Иван.

Юрка сел, но не развалился, а подался вперед, как человек, который вроде бы пришел выпить и поболтать, а на самом деле весь еще там, на работе.

— Ну, за встречу говорить как-то дико, — сказал он. — Тогда без тостов.

Выпили. Водка была холодная и хорошая. Юрка заел капустой и шумно выдохнул.

— Так, — сказал он. — Теперь рассказывай, не вспомнила ли чего умного.

— Не вспомнила.

— А неумного?

— Тоже.

— Жаль. Неумное иногда полезнее.

Иван молча налил ему еще.

— Что там вообще? — спросил он.

Юрка покосился на Ладу.

— Вообще там женщина. Лет сорок пять, плюс-минус. Не местная. Документов нет. Сумки нет. Сама туда лечь не могла.

— Почему? — спросила Лада.

— Потому что я не идиот, — сказал Юрка и тут же смягчил тон. — Место там не для того, чтобы женщина в хорошей юбке пошла и красиво померла.

— Юра, — сказала она, — ты всегда был невозможный.

— Неправда. Раньше я был молодой и прекрасный. Теперь просто опытный.

— И пьющий, — вставил Иван.

— Это к делу не относится.

— Очень даже относится, — сказала Лада.

— Не к твоему трупу.

— Я живая пока, тьфу-тьфу-тьфу!

Он взял еще капусты.

— Что по времени? — спросил Иван.

— Эксперт пока бурчит. Но вечер. Не ночь глухая, не утро.

— А убили как?

— Вроде задушили, чем — непонятно. Когда узнаю больше, расскажу. Сейчас могу только наврать красиво. А я сегодня ленивый.

— Ты всегда ленивый, — сказал Иван.

— Не всегда. Иногда я просто экономлю силы для великих дел.

Он повернулся к Ладе.

— Ты зачем туда вообще полезла?

— Я не полезла. Я шла к Ване и решила посмотреть дом Суворовых.

— Именно сегодня? Сильная тяга к архитектуре.

— Да что такого? Я тут шестнадцать лет не была, соскучилась. Ты меня уже допрашивать начал?

— Ну не сердись, я просто уточняю. Работа такая, профессиональная деформация.

— Я рядом выросла, — сказала Лада. — Там жили тетя Вера, дядя Саша, дом красивый, рядом Полянка, а Полянка — это детство.

Юрка кивнул.

— Вот так и надо было сразу. А то «шла мимо». В Малаховке все всегда «шли мимо», а потом выясняется черт знает что.

Он сказал это вроде бы шутя, но Иван посмотрел на него внимательно.

— Ты что-то знаешь? — спросил он.

— Я? — Юрка поднял брови. — Я вообще человек темный. Просто дом этот мне не нравится.

— Чем? — спросила Лада.

— Стоит. Молчит. Все вокруг уже десять раз переделали, снесли или сожгли, а этот стоит. И вокруг него время от времени какая-то возня.

— Какая возня?

— Бумаги, люди, разговоры. То наследники объявятся, то кто-то что-то расспрашивает.

— Кто?

Юрка пожал плечами.

— Да кто их разберет. Не вчера и не позавчера. Я тогда внимания не обратил. А теперь, может, и зря.

Лада поставила стопку.

— Ты думаешь, эта женщина туда шла?

— А куда еще? На Полянке у нас не музей.

— Может, просто через Полянку шла.

— Куда?

Лада не нашлась что ответить. Он был прав.

Некоторое время все молчали.

— Тамара Васильевна как? — спросила Лада, просто чтобы разорвать тишину.

Юрка сразу оживился.

— Мать? Ничего. Живая, бодрая, всех строит. Тебя, между прочим, вспоминала.

— Меня-то с чего?

— Мы для нее все дети. Ты, я, Ванька — все мы бегаем по Полянке, курим тайком и пьем какую-то гадость.

— Не гадость, — сказала Лада. — Портвейн «777».

— О, господи. Она еще и марку помнит.

— Меня потом тошнило весь вечер.

— Это было незабываемо, — сказал Иван. — Я умывал тебя под колонкой, а ты вырвалась и орала, что вода холодная, а я — гад.

Лада засмеялась. Юрка тоже хмыкнул.

— Вот, — сказал он. — Уже лучше. А то сидите оба, как будто вас сейчас на опознание повезут.

— Меня уже возили, — сказала Лада.

— Не умничай, американка.

Он снова налил себе чуть-чуть.

— Ты в Москве надолго? — спросил он.

— Не знаю. Думала, на пару недель.

— Ну вот пока не рыпайся.

— Это совет или угроза?

— Это дружеский милицкий террор.

— А если я хочу уехать?

— Тогда сначала скажешь мне.

— Почему?

Юрка посмотрел на нее уже совсем серьезно.

— Потому что ты труп нашла. Потому что ты тут не просто так всплыла именно в этот день. И потому что мне не нравится вся эта история.

Юрка встал.

— Ладно. Я пошел. Если что вспомнишь — звони. Любую мелочь. Хоть цвет, хоть голос, хоть запах.

— Запах муравьев? — спросила Лада.

— Не надо про муравьев, — быстро сказал он.

Он взял куртку, пошел к двери, потом обернулся:

— И по Полянке больше одна не шатайся. У нас там, как выяснилось, не курорт.

— Спасибо, папочка.

— Не за что, доченька.

Дверь за ним закрылась.

В доме сразу стало тише, как бывает после очень живого человека. Даже странно, сколько шума может вынести один человек, не повышая голоса.

Лада посмотрела на Ивана.

— Он всегда такой?

— Нет, не всегда. Раньше он был хуже.

— Раньше он был моложе.

Они немного посидели молча. Иван убрал пустую тарелку, поставил бутылку обратно на поднос. Делал он это спокойно, не по-хозяйски и не по-женски, а просто аккуратно.

— Ну что, — сказал он наконец. — Останешься или в Москву поедешь?

Лада посмотрела в окно. За стеклом был уже почти черный сад, и в этом саду ее совсем не тянуло ночевать, хотя бояться было глупо.

— Поеду, наверное.

— Поздно уже.

— Ничего.

— Можешь остаться.

Он сказал это очень ровно, без намека, без нажима. Но Ладе оставаться не хотелось. В другой раз, может быть, даже с удовольствием, но не сегодня.

— Нет. В Москву.

— До станции провожу.

Иван шел рядом молча, чуть впереди, как будто не провожал, а выводил ее из какого-то неудобного места. Улица уже почти опустела. Где-то далеко лаяла собака, у магазина еще топтались двое, простучала далекая электричка, а в самой Малаховке было тихо. Лада шла и думала, что еще утром этот день казался ей устроенным и понятным: встретится с Иваном, посмотрит старые места, погрустит, посмеется, вернется в Москву. А теперь все сдвинулось, как мебель в темноте.

До станции они почти не разговаривали. У платформы Иван сказал:

— Позвони, как доедешь.

Электричка пришла почти пустая. Лада села у окна. Когда поезд дернулся и поплыл мимо темных деревьев, дачных огней и редких платформ, ей впервые за весь вечер стало казаться, что труп на Полянке был не с ней, а с какой-то другой женщиной, с другой Ладой, которая осталась там, в Малаховке. Московский свет приближался, и вместе с ним возвращалось ощущение обычной жизни, где есть отец, чайник на кухне, театр, метро, деньги, которых почти нет, и завтрашний день, который пока еще ни о чем не предупредил.

Глава 3. Звонок Розенберга

Отец открыл ей не сразу. Не потому, что спал, просто долго возился с ключом в верхнем замке — он всегда запирает оба, хотя жил один на одиннадцатом этаже и в доме была консьержка. Когда наконец открыл, Лада вдруг особенно ясно увидела, как он постарел: волосы совсем седые, лицо суше, кожа тоньше. Но держался он так же прямо, и взгляд остался прежний — спокойный, внимательный, без суеты. В старом свитере с заплаткой на локте и домашних брюках он выглядел совершенно по-домашнему и в то же время таким же, каким был всегда. Только на правом тапке у него отставала подошва, и он чуть шаркал при ходьбе.

— Ну что, нагулялась? — спросил он.

— Более чем, — сказала Лада. Потом посмотре-
рела на тапок и добавила: — Пап, это что еще

такое?

Он опустил глаза, посмотрел на тапок без всякого интереса и сказал:

— Тапок.

— Я вижу, что тапок. Почему у него подошва отдельно живет?

— Ничего, держится.

— Купить тебе новые?

— Не надо. Я к этим привык.

Лада фыркнула.

— Ты всегда был таким. Если к чему привык, с места не сдвинешь. Потому, наверное, и в Америку не поехал.

— А вот это уже демагогия, — сказал отец.

— Неправда, чистая правда.

— У меня здесь была работа, квартира, книги и здравый смысл.

— И тапки, — сказала Лада.

Отец улыбнулся, но тапок менять не стал.

Он сразу понял, что что-то случилось, но не стал ахать и приставать с вопросами у двери. Снял с нее куртку, повесил на вешалку, поставил чайник. В их московской квартире все было почти так же, как много лет назад, только книг стало еще больше. Они лежали на полках в два ряда, стояли стопками на полу, на письменном столе, на подоконнике в кабинете. В большой комнате торшер был тот же самый, с чуть пожелтевшим абажуром, а на диване лежал старый клетчатый плед. На кухне подтекал кран, в буфете стояли чашки из разных сервизов, ни одна не подходила к другой, но Ладу это только успокаивало. У них дома всегда так было. Главное — чай крепкий, нож острый, книги на месте, а остальное как-нибудь.

Отец поставил перед ней чашку и только тогда спросил:

— Что произошло?

Лада рассказала. Не очень подробно, потому что подробностей и не было: шла, свернула, увидела, побежала, встретила Ивана, потом Юрку. Отец слушал, не перебивая, только раз или два поднял брови. Когда она дошла до конца, он помолчал, потом сказал:

— Нехорошо.

Больше ничего добавлять не стал.

Спать ей не хотелось. Они еще посидели на кухне, выпили чаю. Отец рассказывал что-то про институт, про коллегу, который опять не сдал статью в срок, про какого-то московского общего знакомого. Лада слушала и чувствовала, как Малаховка отступает. Не исчезает, но отодвигается, становится чуть менее настоящей. За окном шелестели машины, где-то хлопнула дверца, в соседнем подъезде кто-то смеялся. Москва не казалась ей ни тесной, ни шумной, ни грязной. После Нью-Йорка она была нарядной, подсвеченной, даже немного театральной. И у отца Лада тоже чувствовала себя не «в гостях у папы», а дома.

На следующий день она проснулась рано, уже без ночной тяжести. Утро было ясное. На кухне отец пил чай и читал газету, разложив ее так, что занял полстола. Тапок на нем был тот же самый. Лада достала из холодильника яйца, помидоры, остатки сыра и вдруг с удовольствием занялась завтраком. Потом день как-то сам собой сложился удачно. Они пошли гулять, а вечером отправились в театр. Спектакль ее не особенно увлек, зато все остальное вокруг было ужасно занято: публика, разговоры в фойе, буфет с шампанским в узких бокалах, дамы в темном шелке и стразах, мужчины в пиджаках, от которых пахло хорошим табаком и одеколоном. Лада пошла в джинсах и кроссовках, не послушала отца, и теперь ей было смешно смотреть на себя в зеркало между бархатными спинками и чужими плечами. Русская речь вокруг, быстрая, живая, чуть громче, чем она привыкла, цепляла слух. Нью-Йорк уже слегка отодвинулся, как если бы его на время накрыли стеклянным колпаком. Лада подумала, что можно было бы задержаться здесь подольше. На следующий день отец ушел по своим делам, а Лада осталась дома одна. Немного повозилась на кухне, потом достала какую-то старую книгу, полистала, бросила, подошла к окну. Во дворе было тихо, по-августовски спокойно. День стоял хороший, ясный. Такой день особенно располагает к тому, чтобы ничего не делать и не думать о будущем.

Телефон зазвонил неожиданно. Лада взяла трубку без особого интереса.

Мужской голос, вежливый, с сильным американским акцентом. Убедившись, что это она, звонивший сразу перешел на английский и назвал себя: Майкл Розенберг. Они встречались у Кости Кузьминского. Кузьминский был в русской эмиграции фигурой очень заметной: поэт, родом из Петербурга, жил неподалеку от Брайтон-Бич с женой по имени Мышь и своими знаменитыми борзыми невероятной красоты — их было пять или шесть, Лада точно не помнила. Со временем борзых становилось меньше: старели, умирали, а новых Кузьминские уже не заво-

дили. Костя знал всех на свете, дома у него было нечто среднее между литературным салоном и художественной галереей. Костя коллекционировал современное искусство и неплохо на этом зарабатывал. В его галерее-салоне бывали не только русские эмигранты, но и американцы, арт-дилеры, коллекционеры. К нему приезжали все визитеры из России, а в 90-е его признали то ли отцом, то ли дедушкой русского рока и рокеры тоже к нему зачастили. В общем, там можно было встретить кого угодно.

Лада попыталась вспомнить, кажется Костя действительно знакомил ее с каким-то мистером Розенбергом, но зачем — вспомнить не смогла, как и самого мистера Розенберга. Помнилось только что-то очень приблизительное: долговязый, лет сорока пяти, почему-то в костюме. В Костиной галерее костюм выглядел особенно чужеродно. Сам Костя был нудистом и ходил либо голый, либо в халате. Гости, конечно, в крайности не впадали, но в костюмах и галстуках там не появлялся почти никто.

Мистер Розенберг был очень вежлив. Сказал, что занимается семейными поисками, старой еврейской линией. Обращался в архив в Колумбийском университете, где много русских документов: семья его родом из России. В архиве ему особенно не помогли, но он случайно познакомился с Ладиной сестрой, которая там работает. Так он и узнал, что Лада сейчас в Москве. А еще узнал, что она хорошо знает Малаховку, и это оказалось для него едва ли не главным. Его семья, по его словам, как-то связана с Малаховкой, и ему нужен человек, который мог бы сопровождать его, переводить и вообще помочь с местной реальностью: показать кладбище, старые улицы, объяснить, что где было и кто что может помнить. По-русски он говорит немного, но действительно немного — беглую речь понимает плохо. За работу он, разумеется, заплатит.

Лада слушала его и чувствовала, как внутри медленно просыпается интерес. Не сказать, чтобы ей особенно хотелось снова ехать в Малаховку. Но слова цеплялись одно за другое: Малаховка, еврейская история, семейные поиски. После Юркиных слов про каких-то приезжих, про архивы, про старых хозяев все это уже не звучало совсем случайно. Хотя, возможно, она и придумывала лишнее. На свете хватает людей, которые вдруг начинают искать предков.

Она спросила, что именно он ищет. Розенберг ответил чуть туманно, но вполне правдоподобно: какие-то семейные следы, старые документы, сведения о мальчике-сироте, который когда-то мог быть связан с теми местами. Говорил он осторожно, как человек, привыкший не выкладывать сразу все карты. Но сумма, которую он назвал, была совсем не туманной. Деньги были не огромные, но именно того приятного размера, от которого трудно отказаться. Да и работа не была особенно трудной. Можно было бы еще какое-то время не думать о возвращении в Нью-Йорк и о новых заказах.

Лада согласилась почти сразу. Ехать надо было в ближайшие дни. Машину он уже арендовал и времени терять не хотел. Решили выезжать на следующий день.

Отец не слишком обрадовался, что она опять удирает из дома, но согласился, что, раз деньги нужны, глупо отказываться от выгодного предложения. Сказал только, чтобы она позвонила когда доедет, и согласился, что тапок пора заклеить. Уговорить его купить новые тапки было Ладе не по силам.

Глава 4. Машина у «Сказки»

Юрка сидел у себя в кабинете, смотрел в окно на серый забор соседнего двора и думал, не послать ли все к черту и не выйти ли за пивом. Не за водкой, упаси бог, а именно за пивом, холодным, в бутылке. Голова была тяжелая, рот сухой, в желудке мутно. Вчера он, конечно, опять перебрал, хотя по собственным меркам даже не очень. Просто на голодный желудок, да еще в конце недели, да еще после нервотрепки с этой мертвой бабой на Полянке — и вот результат.

На столе лежала папка по неопознанной женщине. Юрка открыл ее не по долгу службы, а от бессильного раздражения. Вытащил протокол осмотра, потом несколько фотографий, отложил самые неприятные и оставил две — общую, где женщина лежала в зарослях, и вторую, сделанную уже после переворота тела. Потом снова уткнулся в текст протокола:

«На трупе женщины: блузка шелковая светло-кремового цвета, с узким отложным воротником и перламутровыми пуговицами; юбка темно-серая, прямая, до середины икры; туфли кожаные черные, на невысоком каблуке, без следов сильного износа; чулки телесного цвета; серьги из металла желтого цвета с прозрачными вставками; на левой руке часы женские, корпус прямоугольный, ремешок кожаный; на безымянном пальце правой руки кольцо из металла желтого цвета с камнем зеленого цвета. Верхняя одежда и сумка при осмотре места происшествия не обнаружены».

Юрка постучал ногтем по бумаге. Вот именно. Не юбка из универмага, не кофта с рынка, не стоптанные лодочки. И серьги маленькие, но не дешевка. И часы не с лотка у станции. Женщина ехала не на похороны, не на рынок и не к пьющей тетке в Красково. Она собиралась туда, где надо было хорошо выглядеть. Или уже оттуда приехала.

На одной фотографии хорошо была видна блузка — светлая, не белая, а с теплым кремовым оттенком, тонкая, с мягким блеском. На другой — темно-серая стильная юбка, хорошие колготки без затяжек, черные туфли на невысоком каблуке, закрытые, гладкие, почти без украшений. На запястье часы с прямоугольным циферблатом, ремешок тонкий. В ушах маленькие серьги со светлыми камешками. Все скромно, но дорого.

Сумки при ней не было. Верхней одежды тоже. Ни плаща, ни пиджака. Значит, либо приехала на машине, либо ее привезли. Пешком по малаховским дорожкам в такой юбке и таких туфлях не ходят.

Он машинально потрогал внутренний карман куртки, где обычно держал записку на случай тяжелого дня, и опять подумал о пиве. И в этот момент за стеной треснула рация, потом сразу же, почти без паузы, зазвонил местный телефон на столе.

Из дежурки сказали, что ППС передали по рации: на Егорьевском шоссе стоит брошенная дорогая иномарка, уже частично разобранный. Надо выехать. По-хорошему должна ехать следственно-оперативная группа: оперативник, следователь, эксперт. Юрка вышел в коридор и почти сразу столкнулся со следователем из района — тот уже знал, в чем дело, и заранее морщился.

— Поехали, — сказал Юрка.

Следователь поднял на него больные глаза.

— Куда я с тобой поеду? Там что, труп?

— Пока нет.

— Ну вот именно. Там просто машина. Смтайся сам. Если что-то серьезное — позвонишь, я подъеду. И эксперта не дергай. Ему там делать нечего.

Юрка посмотрел на него с омерзением.

— Конечно, — сказал он. — А если в багажнике покойник?

— Тогда не трогай багажник, — вяло ответил тот. — Позовешь меня. Все, Зарубин, не начинай.

Юрка махнул рукой. Спорить было лень. Он вернулся в кабинет, сунул в папку протокол, две фотографии, записную книжку, сигареты и пошел вниз один.

На Егорьевском шоссе, у самого края стоянки, косо стояла темно-синяя Тойота Кэмри. Уже не новая, но и не старая, лет трех, может, четырех. Чистая машина, дорогая по малаховским понятиям. Левый передний колпак снят, правого тоже не было. Магнитола из панели выдрали вместе с рамкой, внутри торчали провода. В салон, судя по всему, уже лазили дважды: сначала быстро и жадно, потом обстоятельнее. Бардачок открыт, бумаги смяты, на заднем сиденье чужая газета и пластиковая бутылка.

Патрульные стояли рядом, курили.

— Давно стоит? — спросил Юрка.

— С вечера, — сказал один. — Или с ночи. Точно не скажу. Сначала у ресторана была, потом ее отогнали.

— Кто отогнал?

— Охрана. Там у них свои порядки.

Юрка открыл водительскую дверь и сел боком, не касаясь спинки. Внутри пахло дорогой кожей, пылью, чуть-чуть женскими духами и чужими грязными руками. В бардачке еще оставались документы. Кто влезал, искал магнитола и деньги, а не регистрационные бумажки. Юрка достал свидетельство о регистрации. «Ланская Ирина Семеновна», адрес московский, район Патриарших прудов — местечко престижное.

Он еще раз посмотрел на фамилию. Потом на машину. Потом достал из папки фотографию с кремовой блузкой и прямой юбкой.

— Где ресторан? — спросил он.

Ему показали дальше по шоссе. Там было несколько ресторанов. В первом ресторанчике ничего не знали. Вторым оказалось дневным кафе, там только пожимали плечами. А у третьего были тяжелые деревянные ворота с резными коньками по крыше и вывеска, написанная золотом по темному: «Сказка».

Ресторан днем был закрыт. На парковке почти пусто. У входа сидел охранник в будке, пил чай из стеклянного стакана в подстаканнике и от скуки читал спортивную газету. Машину он узнал сразу.

— Да, наша, — сказал он, еще до того как Юрка толком показал удостоверение. — У входа стояла. Мы ее с утра откатали. Нечего ей тут торчать.

— Женщину помнишь?

Охранник насторожился. Юрка вытащил фотографию.

— Спокойно. Уже мертвая. Смотри.

Охранник поморщился, но посмотрел. Потом взял снимок двумя пальцами и поднес ближе.

— Она, — сказал он. — Точно она. Вечером приезжала. Одна.

— Во сколько?

— Часов в семь, может, позже. Уже смеркалось. Машину поставила прямо у входа.

— Потом?

— Потом к ней иностранец пришел. Настоящий, не из наших. В костюме, при галстуке. Сразу видно — не местный и не русский. И говорил с акцентом.

— На чем приехал?

— На светлой машине. Не помню какой. Не джип. Седан.

Изнутри ресторана уже кто-то гремел за дверью. Через минуту открыла администраторша, худощавая женщина лет сорока пяти с короткой укладкой и в зеленом жакете. Увидев

милицейское удостоверение, сразу напряглась. Услышав про машину — побледнела. А когда Юрка молча протянул ей фотографию, сперва отшатнулась:

— Нет, нет, я не буду.

— Надо, — сказал Юрка. — Один взгляд.

Она все-таки взяла снимок. Посмотрела быстро, как в холодную воду руку сунула, и сразу вернула.

— Да. Она была у нас позавчера вечером. У окна сидела, в малом зале.

— Одна?

— Сначала одна. Потом пришел иностранец.

— Точно иностранец?

— Конечно. Это сразу видно. И говорил по-русски... старался, но с акцентом. Очень вежливый.

— Что заказывали?

Администраторша задумалась.

— Воду без газа. Потом кофе. Она брала рыбу, кажется... нет, сначала салат. Что-то легкое. Он — мясо. Они почти не ели. Разговаривали.

— Как разговаривали?

— Не как любовники. По делу, спокойно. Она несколько раз смотрела в окно, на стоянку.

Юрка это отметил.

— Во сколько ушли?

— Точно не скажу. До закрытия еще далеко было. Темно уже, но вечер ранний.

— Вместе?

— Да.

— Ее машина осталась?

— Осталась. Мы думали, вернется. Может, пересела к нему, мало ли. Потом ночь прошла, день, а машина стоит. Я велела убрать ее от входа: гости подъезжают, а машина без хозяина занимает лучшее место.

Юрка попросил открыть зал. Внутри было тихо, чисто и прохладно. Только дерево, полироль, слабый кофейный дух и чуть сладковатый запах хорошего табака, въевшийся в шторы и обивку. Ресторан действительно был пафосный, но сделанный не наспех. Резные панели, тяжелые стулья, темно-красные скатерти, матовые светильники, латунные детали, витражная вставка у входа в малый зал. Терем, конечно, но дорогой терем.

Столик у окна стоял в углу. Отсюда были видны парковка, въезд и кусок Егорьевского шоссе. Юрка представил, как Ланская сидела здесь — светлое короткое пальто, темная сумка, кремовая блузка, ровная спина, взгляд время от времени в окно. Не местная. И не расслабленная. Она не ужинала, а ждала.

Он вышел обратно на улицу и закурил.

Теперь все складывалось слишком хорошо и гладко. Ланская приехала в «Сказку» на своей Тойоте. Встретилась там с иностранцем в костюме и галстук и ушла с ним, а машина осталась. Ночью никто не поднял тревогу. На следующий день тоже — просто откатали от входа. Потом местная шпана начала снимать с машины то, что плохо лежит. Сама Ланская уже была мертва.

Юрка сел в машину и, прежде чем захлопнуть дверь, достал записную книжку.

«Ланская И.С. — Toyota Camry, т.-синяя. „Сказка“. Сидела у окна, малый зал. Иностранец: костюм, галстук, светлая машина. Вышли вместе».

Он убрал книжку и поехал в отделение.

Теперь можно было пробивать Ланскую по адресу, по регистрации машины, по московским связям, по работе. Имя наконец появилось, а значит, дело сдвинулось.

Глава 5. Еврейское кладбище

На следующее утро Лада встретила с Майклом Розенбергом у метро. Он стоял чуть в стороне от выхода, не мешая людскому потоку, и, увидев ее, сразу шагнул навстречу. Вид у него был

самый обыкновенный, почти дорожный: джинсы, светлая рубашка, легкая куртка, белые кроссовки. Через плечо висела мягкая кожаная сумка. Лада почему-то ожидала, что он будет в костюме,

может быть потому, что когда-то мельком видела его у Кузьминского, среди странной смеси искусства, бессмыслицы и богемного безумия. Там человек в костюме всегда казался бы еще более чужим, чем в любом другом месте. Но нынешний Розенберг был одет так, как одеваются люди, которым предстоит долгий день в дороге и на ногах. Да и лицо его не показалось ей знакомым.

Он поздоровался, открыл перед ней дверцу машины и спросил, удобно ли будет ехать сразу, без кофе. Сначала ехали молча. Москва тянулась вокруг знакомая и немного театральная, как всегда после долгого отсутствия: светлые фасады, тяжелые деревья, реклама, машины, троллейбусные провода, полусонные люди у остановок. Розенберг смотрел вперед и вел машину аккуратно, без нервов, без той резкости, которую Лада иногда замечала у нью-йоркских водителей. Он вообще производил впечатление человека очень собранного.

Разговаривали, естественно, по-английски. Разговор начался с пустяков. Он спросил, хорошо ли она знает Малаховку. Лада сказала, что когда-то знала каждый закоулок, а теперь — кто его знает, шестнадцать лет прошло. Он спросил, остались ли там старые дачи. Она ответила, что кое-что осталось, но многое либо перестроили, либо испортили. Потом речь как-то сама собой перешла на старые бумаги, семейные письма, архивы, и тут Розенберг к слову заметил, что немецкий знает довольно хорошо, хотя и не в совершенстве.

— В моей семье он когда-то был почти домашним языком, — сказал он. — Не у всех, конечно. Но старшие его знали. А я учил уже потом, для работы и для семейных бумаг. Иногда он неожиданно помогает.

— А идиш? — спросила Лада.

— Да, конечно, это моя профессия.

— А русский?

— Вот русский – мое слабое место. Мне русский очень нужен для работы – но такой сложный язык! Так что – увы!

На еврейское кладбище они приехали уже ближе к полудню. День был сухой, ясный, без жары. Кладбище лежало в стороне от обычной суеты, и уже у входа воздух там показался Ладе другим — более тихим, густым, неподвижным. Ворота, старые деревья, неровные дорожки, участки, стиснутые оградами и камнем. Внутри все выглядело плотнее, чем на русских кладбищах, к которым она привыкла: меньше воздуха между могилами, меньше случайного беспорядка, больше сдержанности.

Старые памятники сразу бросались в глаза. Узкие, темные, иногда совсем простые, иногда более основательные, но почти всегда без всякой попытки «украсить» смерть. Ни фотографий, ни венков, ни цветочных ваз, ни крестов. Только имена, даты, иногда несколько строк. На одних памятниках надписи были только на идише, на других — на идише и по-русски. Буквы казались Ладе одновременно красивыми и совершенно непроницаемыми. Она остановилась у одной старой плиты, почерневшей от времени, и, шурясь, попыталась разобрать хотя бы имя, но не смогла.

— Вы можете это прочесть? — спросила она.

Розенберг наклонился и всмотрелся.

— Могу. Я не уверен, что говорю правильно. Язык надо слышать с детства.

Лада кивнула. Он достал из кармана сложенный листок и развернул его. На листке были выписаны фамилии: Яблонские, Левинер. Он произнес их вслух не по-русски и не по-английски, а как-то между, осторожно примеряя звук к написанию. Лада повторила правильно, и он повторил за ней, чуть медленнее.

Они пошли между памятниками. Розенберг искал внимательно, без суеты. Иногда он останавливался у старых плит и сверял буквы с листком. Иногда проходил мимо, едва задержав взгляд. Лада сначала тоже вчитывалась в имена, но скоро почувствовала, что от множества чужих дат и фамилий у нее начинает мутиться в голове. На кладбище всегда так: сначала

смотришь внимательно, потом имена и даты начинают сливаться, и остается только ощущение множества чужих жизней, закончившихся давно или недавно, — слишком большого множества, чтобы в него по-настоящему вникать.

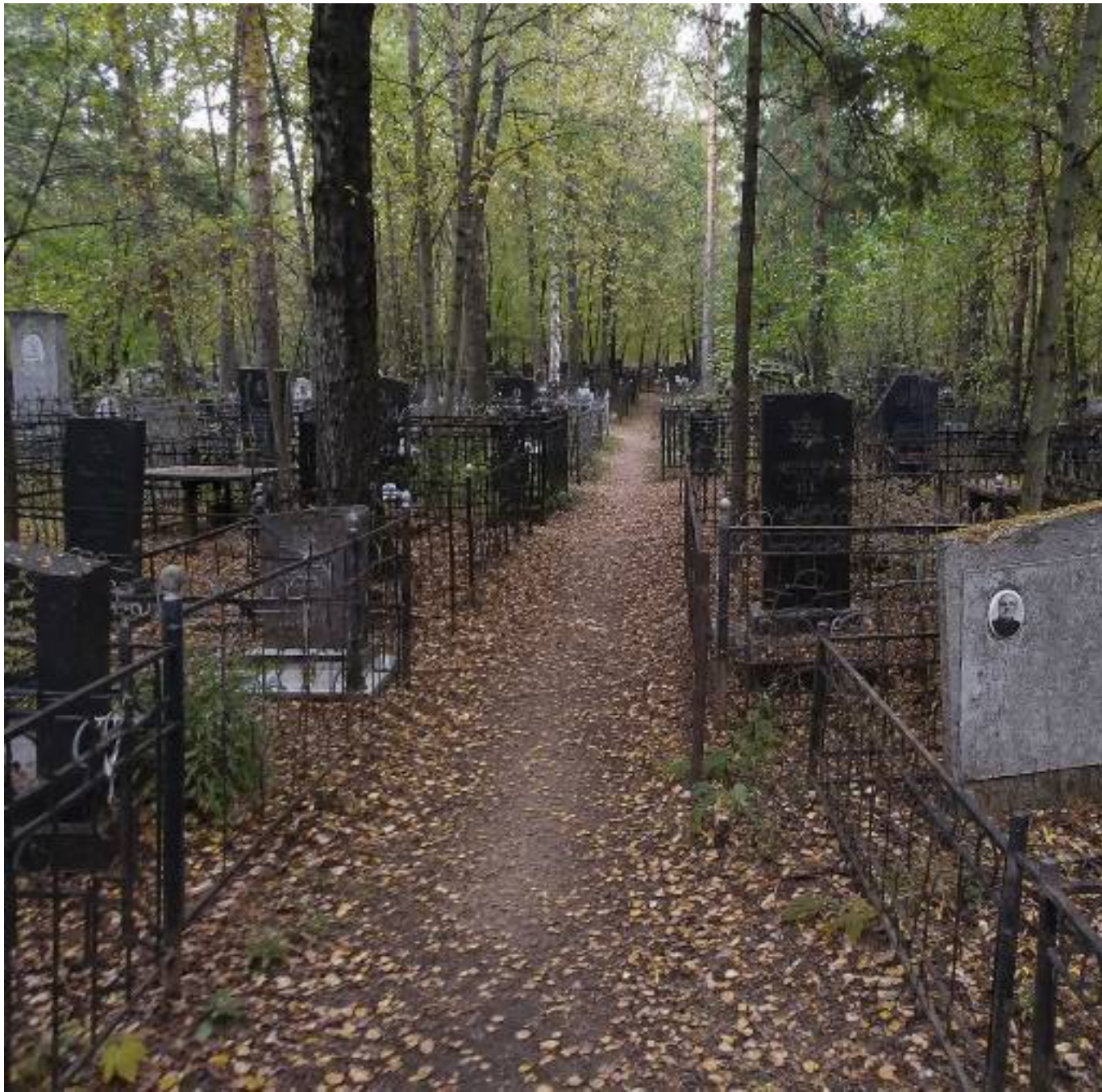
Они нашли несколько Левиных, нашли Левинсона, какую-то семью Яблонер, но все было не то. Ни Яблонских, ни Левинеров, которых искал Розенберг, на кладбище не было.

Лада начала ждать его разочарования. Все-таки человек ехал в такую даль, поднимал архивы, искал семейные следы, повторял фамилии так, будто они значили для него что-то не только на бумаге. Но Розенберг только посмотрел на свой листок, провел пальцем по строчке и сказал спокойно:

— Значит, здесь их нет.

Сказал он это ровно, без вздоха, без досады. Лада удивилась. На его месте она, наверное, расстроилась бы. Он же выглядел человеком, который просто вычеркивает одну версию и идет дальше. Видимо, это действительно просто работа, ничего личного.

Они прошли еще немного, и тут Розенберг сам остановился у одной сравнительно новой могилы. На памятнике была маленькая овальная фотография, а у подножия

букет уже подвявших цветов.

— Это странно, — сказал он.

— Что именно?

Он показал на фотографию и цветы.

— Здесь так не должно быть.

Лада посмотрела внимательнее.

— Почему?

— По традиции здесь не должно быть ни портретов, ни цветов.

— Ну, у нас в Советском Союзе все религии пообломали, — сказала Лада. — Государственный атеизм, как-никак. Люди многое забыли, стали делать как на обычных кладбищах. Наверное, новые могилы уже оформляли вперемешку.

— Наверное, — сказал он.

Он не спорил, но было видно, что эта деталь его задела.

Они пошли дальше. Старые памятники, новые плиты, надписи, которые Лада не могла читать, и его листок с фамилиями. Через некоторое время кладбище уперлось в стену. Стена была старая, позеленевшая, местами так густо поросшая мхом, что под ним уже и не поймешь — камень там, бетон или все вперемешку. Ладе она показалась почти живой — так давно стояла, так выросла в землю, в кусты, в тень. За этой стеной начиналась русская часть.

Переходить пришлось обходом. Никакой плавной границы между частями не было. Это Ладе почему-то понравилось: разделение здесь было не условное, а настоящее, старое, упрямое.

Русская часть сразу ударила в глаза своей привычностью. Овальные фотографии, кресты, искусственные цветы, где-то живые, где-то засохшие, лампадки, скамеечки, оградки, гранитные плиты поновее рядом с совсем скромными памятниками. Здесь все было понятнее, роднее, как ни странно.

— Вы думаете, ваши могли быть похоронены здесь? — спросила Лада.

— Не знаю, — сказал он. — Но иногда на кладбище можно найти не только родственников.

Он немного помолчал и добавил:

— Или след тех, кто когда-то был рядом.

Это прозвучало не совсем ясно. Лада вопросительно посмотрела на него, и он сам пояснил:

— Мне попадались намеки на то, что в Малаховке после революции был еврейский детский дом. Или школа-колония, что-то в этом роде. Я не знаю точного названия. Но если ребенок пропал из семьи, а потом оказался в русской среде, его след мог уйти совсем в другую сторону.

Лада шла рядом, глядя на знакомо-незнакомые русские памятники.

— Вы думаете, ребенка могли взять русские?

— А почему нет? — спросил он. — После гражданской войны все было разрушено. Люди терялись, дети исчезали, фамилии менялись. Если какой-то еврейский мальчик остался один, могла ли русская семья взять его к себе? Не официально. Просто взять?

— Наверное, могла, — пожала плечами Лада, — Тогда все могло быть. Сироты, полусироты, беспризорные, кто к кому прибил, кто кого пожалел. Если кто-то взял ребенка в дом, это могло и не записаться толком. А вы ищете кого-то конкретного?

— Вы знаете старые семьи в Малаховке? Те, которые жили здесь еще до революции?

Лада задумалась. В Малаховке когда-то было много старых дачных семей, но кто из них уцелел в ее памяти по-настоящему? Не просто фамилией, а домом, вещами, разговорами, запахом старой веранды, фотографиями в альбомах, дореволюционной мебелью. И почти сразу ей пришли в голову Суворовы.

— Была такая семья, Суворовы, — сказала она. — Друзья моих бабушки и деда. У них дом старый, красивый. Во всяком случае, был. Кажется, и сейчас стоит.

— Они могли знать что-нибудь о детском доме?

— Не знаю, — сказала Лада. — Я была ребенком. Мне про это никто не рассказывал. И про еврейского мальчика я точно ничего не слышала.

— А дом можно увидеть?

— Конечно.

Он кивнул, и разговор как будто сам собой оборвался. Больше он не возвращался ни к детдому, ни к мальчику, ни к русским семьям. Лада чувствовала себя совершенно бесполезной. Который час они бродят, ищут непонятно чего.

Они вышли за ворота кладбища, сели в машину и поехали обратно в поселок. На этот раз Розенберг почти не говорил, и Лада тоже молчала. Все, что надо было, он уже, кажется, выяснил. Или решил, что ему довольно.

Дом Суворовых она показала ему со стороны Советской улицы. На Полянку идти ей не хотелось. Даже мысль о той дорожке, о кустах, о сломанной ветке вызывала в теле неприятную внутреннюю слабость, которую она уже успела испытать. Про убийство она ему ничего не сказала. Не хотелось пугать иностранца местными ужасами, да и вообще не хотелось лишний раз проговаривать эту историю.

Дом стоял так же, как стоял всегда, только теперь казался еще более замкнутым. Старое дерево, темная крыша, застекленная веранда, окна, за которыми ничего нельзя было разглядеть, и то чувство чужой, но не враждебной тайны, которое Лада помнила с детства. Дом не был заброшен в полном смысле слова, но и живым его назвать было трудно. Скорее, он ждал чего-то, сам не зная чего.

Розенберг долго смотрел на него молча.

— Красивый дом, — сказала Лада.

— Да, — ответил он. — Очень.

Он спросил, кто теперь владеет домом, бывают ли там наследники, можно ли попасть внутрь, остались ли старые вещи. Лада отвечала как знала: дом стоит, постоянно там, кажется, никто не живет, но вокруг были какие-то наследственные дела; бывают ли там люди — неясно; старые вещи, возможно, остались, а возможно, давно растащены; попасть внутрь просто так, конечно, нельзя.

— А если найти тех, у кого ключи? — спросил он.

— Это уже не ко мне, — сказала Лада. — Я могу показать место, перевести разговор, вспомнить, кто тут жил. Но не устраивать взломы.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Я и не предлагал взлом.

К вечеру оба устали. День был длинный, сухой, с бесконечным хождением, чужими именами и не очень понятными разговорами. Розенберг сказал, что поедет искать гостиницу.

— Здесь с гостиницами не очень, — сказала Лада. — Но что-нибудь найдете. Или ближе к Москве.

— А вы?

— Я переночую у знакомого.

Он не стал спрашивать у кого. Только поблагодарил ее за день, за помощь и сказал, что завтра хотел бы продолжить.

Лада кивнула, дождалась, пока его машина свернет в сторону шоссе, и пошла к Ивану. Ноги у нее гудели. В голове почему-то крутились одни и те же фамилии: Яблонские, Левинер. И еще вопрос, который Розенберг задал так спокойно, будто речь шла не о чужой старой беде, а о задаче, у которой нужно найти правильное решение: могли ли русские взять к себе еврейского мальчика.

Глава 6. Вечер у Ивана

К Ивану Лада пришла уже под вечер, усталая и слегка одуревшая от целого дня в дороге, на кладбище, в чужих разговорах. После Москвы, где все хоть как-то держалось на привычке, Малаховка опять начинала действовать на нее странно: здесь прошлое стояло слишком близко, будто не прошло шестнадцать лет, а просто кто-то ненадолго выключил свет, а теперь включил обратно, и все предметы проступили на своих местах. Только к ним добавилось что-то новое, неясное и тревожное.

Иван открыл дверь:

— Заходи. Есть хочешь?

Лада хотела не то чтобы есть, а скорее упасть куда-нибудь и закрыть глаза. Но, услышав вопрос, вдруг поняла, что с утра толком ничего не ела, и кивнула.

— Очень.

— Тогда вовремя.

Он провел ее в столовую, и тут Лада остановилась на пороге. На столе уже стояли тарелки, бутылка красного вина, салат в большой стеклянной миске, блюдо с мясом, запеченным целым куском и потом нарезанным на толстые ломти, корзинка с хлебом, маленькая чашка с горчицей и еще что-то в керамической миске, похожее на грибы в соусе. Все это выглядело так, будто в доме не просто ужинают, а принимают гостей с пониманием дела.

— Господи, — сказала Лада. — Ты что, готовишь?

Иван посмотрел на нее с искренним изумлением.

— Нет, конечно.

— А я уже почти испугалась.

— С чего бы тебе пугаться?

— Ну как. Вдруг ты за эти годы превратился в идеального мужчину. Дом, порядок, мясо, вино.

Он усмехнулся.

— Идеальным мужчиной я, слава богу, не стал. Все из ресторана.

— Из какого?

— Из нормального.

— Это очень исчерпывающий ответ.

— Тебе поесть или биографию ресторана?

Лада рассмеялась, и напряжение дня чуть отпустило. Ей понравилось, что он ничего не изображает. Заказал ужин — и заказал.

Они сели за стол. Иван налил вина, подвинул ей мясо, и несколько минут Лада почти молча ела. Еда была действительно хорошая. Мясо мягкое, с розоватым соком, салат свежий, вино простое, но правильное. После кладбища, долгой дороги и разговоров с Розенбергом это показалось почти роскошью.

— Ну? — спросил Иван, когда она чуть отдышалась. — Что там у тебя с американцем?

Лада пересказала день с самого начала. Не в подробностях, а по порядку: как они ездили на еврейское кладбище, как он искал могилы Яблонских и Левинер, как почти не огорчился, ничего не найдя, как заговорил о детдоме и о том, могли ли русские семьи взять к себе еврейского мальчика. Потом — как попросил показать ему дом Суворовых и как долго смотрел на дом с Советской улицы.

Иван слушал не перебивая, только один раз долил себе вина.

— Очень интересно, — сказал он наконец. — Свет, что ли, клином сошелся на этих Суворовых?

— Вот и мне так показалось.

— То труп у их задней калитки. То американец, которому тоже непременно Суворовы понадобились. Очень странно.

Лада подвинула к себе бокал.

— Про усыновленного еврейского ребенка ты когда-нибудь слышал?

Иван покачал головой.

— Никогда. Вообще ни разу. Про Суворовых чего только не болтали. И про старые вещи, и про дом, и про Ляльку. Но чтобы они какого-то мальчика усыновили — нет, такого не помню.

— А про детдом?

— Что был еврейский детдом в Малаховке, я слышал. Но не как что-то особенное, а просто как старый факт. Мало ли что тут было. Детдома, дачи, санатории, туберкулезные школы, писатели, артисты, сумасшедшие дачники, бывшие князья. Малаховка все переваривала.

Лада кивнула.

— А сын Суворовых? — спросила она. — Ляля.

Иван поднял на нее глаза.

— Про Ляльку?

— Ну да.

— В деталях тебе лучше Владимира Борисовича расспросить. Они же с ним одноклассники были. Дружили, в одной школе учились, потом вроде даже в один институт поступили.

— В МЭИ, — сказала Лада.

— Вот именно. Он тебе лучше расскажет. Я Ляльку уже другим застал.

— Каким?

— Опустившимся, — сказал Иван. — Пьяным, рыхлым. Не старым еще, а уже каким-то расползшимся.

— А говорили, красавец был.

— Говорили. Что в молодости — прямо картинка. На Есенина похож.

— На Есенина у нас в России каждый второй был похож.

— Это да.

Он помолчал.

— Мать его, Вера Григорьевна, звала его Лялей, так и прилипло. Вообще-то он, конечно, Георгий. Но она с ним носилась, как с младенцем. Он потом своей клички стеснялся. С девушками знакомился — представлялся Георгием. А друзья все равно звали Лялькой. И девушки, думаю, довольно быстро тоже.

Лада улыбнулась.

— Бедолага. А что с ним случилось?

— Говорят, история была дурацкая и страшная. Учился он в МЭИ. Где-то на четвертом курсе шел, провожал девушку. К ним пристали какие-то хулиганы. Он полез в драку и слишком хорошо подрался. Одного так отделал, что тот остался инвалидом. Лялька был очень сильный. И, как говорят, добрый. Вот это сочетание иногда плохо заканчивается.

— Его посадили?

— Да. Дали два года. За превышение.

— И после этого все?

— Похоже, да. В институт он не вернулся. Что-то в нем сломалось. Дальше все быстро: водка, скандалы, жизнь под откос. Я его уже таким помню.

— Когда он умер?

— В середине 90-х. Тебя уже не было.

Лада кивнула.

— Рано.

— Очень. Тетя Вера убивалась страшно. Она его обожала. Ушла почти сразу за ним — ей тогда уже под сто было.

Они немного помолчали.

— А жена у него была? — спросила Лада.

— Вроде была, но потом делась куда-то. То ли ушла, то ли он ее довел. Про детей не помню уже.

Лада задумалась.

— На еврейского мальчика это не похоже.

— Пока нет.

Она покрутила бокал.

— А тебе не кажется, что он врет?

— Кто?

— Розенберг.

Иван посмотрел вопросительно.

— В чем?

— Не знаю. Не врет прямо. Но что-то недоговаривает. Слишком быстро перешел к Суворовым, как будто знал, кого ищет.

Иван замолчал и о чем-то задумался. Лицо потяжелело, как будто стало старше.

— Ваня, мне показалось, или история Ляли тебя лично как-то задевает? — спросила Лада.

Иван не сразу ответил.

— Я тоже сидел. Примерно как Лялька, за драку.

— Это когда было?

— Ты в Москве жила, я в Балашихе, мы не общались с тобой.

Лада кивнула.

— Мне повезло, я не спился, но институт тоже не закончил. И хватит об этом.

Они помолчали.

— Завтра надо бы сходить к Тамаре Васильевне, — сказал он.

— К Юркиной маме?

— Да. Она про всех все знает. И за тетей Верой ухаживала.

Лада кивнула.

— Но идти надо утром.

— Давай не очень рано, — заныла Лада.

— Это не от нас зависит. Если она встанет в шесть, то к восьми уже переделает дел на полжизни и будет ждать слушателей.

Лада засмеялась.

— Хорошо. Тогда утром.

— Вань, а почему мы с тобой общаться перестали? Поссорились что ли?

— А ты не помнишь?

— Нет.

— Ну значит и не надо, все к лучшему. — Иван улыбнулся и подлил ей вина.

Глава 7. Тамара Васильевна

Утром они пришли к Тамаре Васильевне рано, по Ладиным понятиям даже слишком рано, хотя часы показывали уже начало десятого. Иван предупреждал, что позже приходить бессмысленно: к этому времени Тамара Васильевна успевает переделать половину дел, поругаться с сыном, сходить в магазин, поставить тесто, посмотреть, что у соседей, и уже окончательно войти в силу. Так и оказалось.

Дом у Зарубиных был старый, еще довоенный, но крепкий, в отличие от многих таких домов не обросший ни пластиковыми пристройками, ни фальшивыми башенками. Во дворе росла яблоня, под яблоней — стол, покрытый клеенкой с розами, а на веревке у сарая сушились полотенца. Дверь в дом была открыта настежь, и уже с крыльца слышался голос Тамары Васильевны — громкий, сердитый, но не злой.

— Юра, я тебя последний раз предупреждаю: не смей после дежурства пиво пить! Ты сначала жрешь все подряд, потом запиваешь черт знает чем, а потом мне тут на тебя смотреть! Кефир выпей. Кефир!

Они вошли в дом как раз в тот момент, когда Юрка, помятый, взъерошенный, в расстегнутой рубашке и с совершенно несчастным лицом, пытался вырваться из материнских рук. Тамара Васильевна, крепкая, полная, с яркими черными глазами, в цветастом халате и переднике, одной рукой держала перед ним стакан кефира, другой поправляла на столе тарелку с румяными блинчиками.

В ней и правда чувствовалась не русская, а какая-то южная кровь. Лада помнила, что Тамара Васильевна не местная, и сейчас легко было представить ее молодой — красивой, шумной, стремительной. В лице у нее было что-то армянское: тонкий нос, густые брови, быстрый взгляд.

Юрка, увидев Ладу с Иваном, скривился.

— О, — сказал он. — Свидетели.

— Очень хорошо, что свидетели, — немедленно отозвалась мать. — Пусть посмотрят, что ты с собой делаешь. На кого похож? И это еще с утра. А на работу кто пойдет, Пушкин?

— Я и пойду.

— Ты? В таком виде?

— В каком таком? Нормальный у меня вид.

— Нормальный! — возмутилась Тамара Васильевна. — Ладка, посмотри на него. В глаза смотреть страшно. Ваня, скажи ему.

Иван с самым серьезным лицом посмотрел на Юрку и сказал:

— Вид плохой.

Лада, конечно, поддакнула:

— Очень плохой.

— Предатели, — сказал Юрка.

Но кефир взял и выпил почти залпом, с таким видом, будто совершает унизительный, но необходимый гражданский подвиг.

— Вот, — сказала мать. — Теперь человек.

— Нет, — ответил Юрка. — Теперь я просто мокрый внутри.

— Завтракать садись.

— Не хочу.

— Конечно, не хочет он. А ночью где был? На курорте? У меня блинчики, между прочим, свежие. Со сметаной. С вареньем. На работе бы своих оболтусов угостил.

— Не буду я твои блинчики на работу возить!

— А зря. Может, хоть там люди бы поели.

Юрка уже натягивал куртку и явно собирался спасаться бегством.

— Мам, я пошел.

— погоди. Ты таблетки взял?

— Какие таблетки?

— От головы.

— Не нужны мне таблетки.

— Тогда пива не пей!

— Господи, — сказал Юрка, уже пятясь к двери. — Да не буду я пиво пить.

— Я тебя знаю.

— А я тебя нет.

— Иди, иди, — сказала Тамара Васильевна, махнув на него рукой. — Только вечером приходи не как покойник.

— Постараюсь.

Он ухитрился еще на ходу кивнуть Ладе и Ивану:

— Не очень тут ей верьте. Она все преувеличивает.

— Это я преувеличиваю? — крикнула ему вслед мать.

Дверь хлопнула. Юрка вырвался.

Тамара Васильевна некоторое время стояла молча, будто еще мысленно продолжала за ним ругаться, потом резко обернулась к гостям:

— Ну что вы стоите? Садитесь. Блинчики остывают.

Отказаться было совершенно невозможно. Их усадили за стол, поставили перед ними тарелки, сметану, варенье и еще целую миску творога. Блинчиков действительно была гора — тонких, румяных, с золотистыми краями. Лада, которая дома почти никогда не завтракала как следует, сразу почувствовала детское, почти дачное счастье.

— Юрка не поел, — с укором сказала Тамара Васильевна, поддевая лопаточкой очередной блин. — И с собой не взял. А мог бы. У него там в отделении, небось, сидят такие же оглоеды.

— Мог бы, — послушно сказал Иван.

— Конечно, мог бы, — поддержала Лада.

— Вот и я говорю.

Тамара Васильевна села напротив и только теперь стала их как следует разглядывать.

— Ну, рассказывайте, зачем пришли. Не просто же блинов поесть?

Лада переглянулась с Иваном. Начать решили издалека, с Суворовых. Спросили, что она о них помнит, особенно о Ляле, о тете Вере, о доме, о последних годах.

Но тут почти сразу выяснилось, что подробностей она знает не так уж много.

— Мы же сюда в конце шестидесятых приехали, — сказала она. — Юрин отец тогда еще служил. Военный инженер. Нас перевели в Москву из такой глуши, что вы и названия не слышали. А я вообще из Еревана, между прочим. Там и познакомились. Потом он демобилизовался, и мы уже в Малаховке осели. Так что старых историй, которые до нас были, я не знаю. Ляльку я уже помню после тюрьмы. Ничего хорошего.

— А про него самого? — спросила Лада. — Что за человек был?

— Да кто его знает. Говорили, в молодости был очень красивый и очень несчастный. А я его красивым не застала. Уже пил. Тетя Вера его жалела, носилась с ним, а толку не было. Жалко, конечно. Но таких историй в те годы много было.

Лада почувствовала, как у нее опускаются руки. Они пришли сюда почти с надеждой, а выходило, что Тамара Васильевна про то, что было до них знает не больше Ивана. Даже меньше.

— А про... — начала она и запнулась.

— Про что? — быстро спросила Тамара Васильевна.

— Да ни про что. Мы думали, может, вы слышали что-нибудь старое. Про какого-нибудь мальчика. Про ребенка, который жил у Суворовых.

— Какого мальчика?

Лада и Иван переглянулись.

— Ну... — сказала Лада осторожно. — Вдруг был какой-то приемный. Или просто воспитанник. Мы сами не знаем. Нам тут один человек сказал...

Но Тамара Васильевна уже смотрела на них с таким удивлением, что Лада осеклась.

— Гришу, что ли? — спросила Тамара Васильевна. — Приемного сына Веры Григорьевны?

На несколько секунд стало тихо.

— Какого Гришу? — медленно спросил Иван.

— Ну как какого. Гришеньку. А вы про кого?

Лада почувствовала, как у нее внутри что-то сдвинулось. Еще минуту назад они почти разочаровались, и вдруг — вот он, мальчик. Не слух, не версия Розенберга, а имя, произнесенное без всякого пафоса, как вещь давно известная.

— Расскажите, — сказала она слишком быстро. — Пожалуйста.

Тамара Васильевна поджала губы, словно мысленно перебирая, что именно знает, а чего не знает.

— Я эту историю не от начала знаю, — предупредила она. — Мне ее Вера Григорьевна рассказывала. Уже потом, на старости лет. Особенно после смерти Ляльки. Чем южная, горячая кровь становилась, тем чаще вспоминала. Сидит, бывало, и говорит: вот, мол, забрали у меня Гришеньку, а потом и Лялю бог прибрал, и осталась я одна. Один русский, другой еврей, а мне никого не сохранили. Не дословно, конечно, но смысл такой.

Она вздохнула, подлила Ладе чаю и продолжила уже неторопливо, по-своему, с небольшими отступлениями и оговорками.

Вера Григорьевна, по ее словам, была из хорошей семьи, как и Александр Петрович. Оба «из бывших», как тогда говорили. Дом у них в Малаховке был Александра Петровича. До революции это была просто дача, а жили они в Москве, как все приличные люди. Но революция все перевернула, московская жизнь рассыпалась, и каким-то чудом уцелел именно этот малаховский дом. Туда Александр Петрович и привел молодую жену.

— Очень красивая она была, — сказала Тамара Васильевна с уважением. — Я, конечно, не видела, но фотографии у нее были. Просто красавица. И актриса. В летнем театре играла.

Лада невольно подалась вперед.

— В Малаховском?

— Ну да. Где же еще. Тогда ведь театр был настоящий, знаменитый. Вся Москва туда ездила. Она сама рассказывала, что там жизнь была как в романе: артисты, музыка, цветы, поклонники. Там совсем молоденькая Раневская начинала. Вера Григорьевна вспоминала это как самое счастливое время.

Тамара Васильевна улыбнулась, словно увидела перед собой не старую одинокую женщину, а ту молодую Веру, какой та себя помнила.

С Александром Петровичем Вера познакомилась тоже в Малаховке, почти театрально: она — красивая молодая актриса, он — молодой художник, не слишком удачливый, но влюбленный. Поженились. Жили, по Вериным воспоминаниям, бедно, но счастливо. А потом случилась какая-то темная романтическая история, о которой Тамара Васильевна знала плохо и пересказывать не бралась. Только после нее Вера решила, что своих детей у нее, скорее всего, не будет. Почему — то ли болезнь, то ли неудачная беременность, то ли что-то еще, — Тамара Васильевна так и не поняла. Потом пришли двадцатые годы, тяжелые, голодные, сумасшедшие. В Малаховке устроили еврейский детский городок, колонию или детдом — Тамара Васильевна не очень различала названия, да и Вера, наверное, тоже не всегда говорила точно. Известно было одно: там было много беспризорных еврейских детей, и среди них — способные к рисованию. Александр Петрович устроился туда воспитателем, а может, преподавателем рисования, потому что сам был художник. В те же годы там, по словам Веры, работал и Шагал. Не рядом с ними дома, конечно, а в самой колонии, с детьми.

— Вот там Александр Петрович и нашел этого мальчика, — сказала Тамара Васильевна. — Гришу. Гришу Левина.

От имени вдруг все стало еще реальнее.

Гриша был беспризорник, очень талантливый, рисовал замечательно. Откуда он взялся — не знал никто. В те годы таких детей были тысячи: потерялся, отстал, семью убили, сам убежал — поди потом разберись. Александр Петрович к нему привязался, стал заниматься отдельно, потом начал приводить домой. Мальчик понравился Вере Григорьевне сразу. Очень

быстро получилось так, что он у них бывает все чаще, ест у них, рисует у них, сидит подолгу. А потом Вера решила, что хочет его усыновить.

— Она его полюбила как родного, — сказала Тамара Васильевна просто. — А своих детей нет. Вот и все.

Лада посмотрела на Ивана. Тот сидел молча, не поднимая глаз от чашки.

Почти все уже было готово. Или так потом казалось Вере. Во всяком случае, она была уверена, что Гриша вот-вот останется у них насовсем. Но вдруг из Москвы пришла какая-то бумага. Какая — Тамара Васильевна не знала. То ли по линии детдома, то ли из какого-то учреждения, то ли от объявившихся родственников. И мальчика внезапно увезли.

— Куда? — почти шепотом спросила Лада.

— А вот этого Вера Григорьевна так и не узнала, — ответила Тамара Васильевна. — Говорила, что обивала пороги, плакала, просила, ездила, куда могла. Но ей ничего не сказали. Или не захотели говорить. Или сами уже не знали.

На столе стояли блинчики, сметана, варенье, утренний чай, а перед ними вдруг раскрылась чужая старая беда.

— И что осталось? — спросил Иван.

— Медальон, — сказала Тамара Васильевна. — Медальон его матери. Гриша не хотел хранить его в детдоме, боялся потерять, и оставил у Веры Григорьевны. И рисунки остались. Его рисунки. И, кажется, еще какие-то детские листочки, наброски. Александр Петрович с ним много занимался.

После этого жизнь пошла дальше. Детдом давно расформировали. Александр Петрович так и не стал большим художником — работал потом скромно, преподавал рисование. Вера Григорьевна ушла из театра, выучилась на что-то совсем не романтическое и всю жизнь потом работала где-то на скучной службе. Тамара Васильевна точного названия не помнила — то ли бухгалтерией занималась, то ли в конторе сидела, то ли еще где-то в учреждении. Но главное было не это.

— Главное, — сказала она, — медальон она не продала. И рисунки не выбросила. Даже когда тяжело было, даже когда после войны все из дома на рынок тащили. Вот это я точно знаю. Она мне сама показывала. Не все, правда. Но кое-что показывала.

— Когда? — быстро спросила Лада.

— Уже под конец. Когда совсем одна осталась. Иногда вспоминала, доставала папку, смотрела. А потом убирала обратно.

— И где эта папка? — спросил Иван.

Тамара Васильевна развела руками.

— Если бы я знала. После смерти тети Веры в доме такой бардак был, что черт ногу сломит. Бумаги, тряпки, посуда, старые ящики. Что осталось, что растащили, что у наследников — кто его знает.

Лада сидела совершенно неподвижно. Слова Розенберга, кладбище, еврейский мальчик, дом Суворовых — все вдруг стало не смутной версией, а почти осязаемой линией. И одновременно — еще запутаннее. Если Гриша действительно жил у Суворовых и почти был усыновлен, то почему его увезли? Кто? Куда? И как Розенберг вышел именно на эту историю?

— А Ляля про него знал? — спросила она.

— Конечно, знал, — сказала Тамара Васильевна. — Ему же с детства рассказывали. Может, даже ревновал. Кто его разберет. Только в старости Вера Григорьевна больше про Гришу вспоминала, чем про Лялю, это правда. Юрка еще удивлялся: свой сын был, а плачет все по какому-то еврейскому мальчику. А я ему говорила — не смей так говорить. Там, видно, душа была привязана. Но может быть просто склероз — ей почти сто лет было.

Они посидели еще немного, уже не столько расспрашивая, сколько пытаясь уложить услышанное. Тамара Васильевна несколько раз возвращалась к одним и тем же местам, добав-

ляя мелочи: что Вера говорила о Грише ласково и почти всегда уменьшительно; что медальон был овальный, на темной ленточке; что в доме у Суворовых были старые папки с рисунками, и Александр Петрович к ним никого не подпускал.

Наконец Иван встал. Лада тоже поднялась, поблагодарила за завтрак и за рассказ. Тамара Васильевна немедленно стала совать им с собой блинчики, и отказаться, как всегда, не получилось.

На улице воздух уже прогрелся, день обещал быть ясным. Они шли молча почти до самого поворота.

— Ну? — спросил наконец Иван.

Лада остановилась.

— Ну что. Он не врал.

— Розенберг?

— По крайней мере, не все.

Иван кивнул.

— Только теперь вопросов стало вдвое больше.

— И да, и нет, — сказала Лада. — По крайней мере, теперь я знаю, что спрашивать.

Она посмотрела на часы. С Розенбергом они договорились встретиться днем, и до встречи оставалось совсем немного. Вчерашний американец, с его спокойными вопросами, фамилиями Яблонских и Левинер, с его равнодушием у ненайденных могил, вдруг стал для нее гораздо опаснее. Не потому, что она уже что-то поняла, а потому что почувствовала: он и правда идет по следу, и след этот настоящий.

— Ты сейчас к нему? — спросил Иван.

— Да.

— Осторожнее.

Лада усмехнулась, но без легкости.

— Поздно уже осторожничать.

Она поправила на руке сумку с завернутыми в салфетку блинчиками, еще раз взглянула на Ивана и пошла к станции. Ей предстояла встреча с Розенбергом, и теперь это была уже не подработка и не экскурсия по старой Малаховке. Теперь это был разговор человека, который знает чуть больше, чем вчера.

Глава 8. Квартира Ланской

Юрка ехал в отделение на своём старом «Фольксвагене». Машина уже давно требовала внимания, но у него не доходили руки. «Фольксваген» шёл ровно, без рывков, только на кочках тихо постукивало где-то снизу. Юра прислушался, даже немного сбросил скорость. Стук был знакомый, уже не первый день появлялся и исчезал. Надо бы заехать в сервис, подумал он, и тут же понял, что ни сегодня, ни завтра он туда не попадёт, а значит, как всегда, всё отложится на неопределённое «потом».

Дорога была привычная до последней выбоины, и он ехал почти на автомате, заранее зная, где притормозить, где держаться правее, а где можно чуть прибавить. Утро уже вошло в силу, но жары ещё не было. За заборами уже кто-то возился по хозяйству, мелькали люди, собаки, открытые калитки — ничего особенного в мире не происходило. Он ехал не торопясь и сначала вообще ни о чём не думал, просто смотрел на дорогу. Потом вдруг понял, что голоден, и вспомнил, что с утра так и не поел. Утро всплывало в памяти сначала отдельными деталями: стол, стеклянная банка со сметаной, миска с творогом, тарелка, на которую мать всё время подкладывала блинчики, не давая им остыть. Потом уже вся сцена целиком: как она двигала посуду, поправляла, говорила сразу обо всём, а он стоял в куртке, одной рукой застёгивал молнию, другой искал ключи и торопился уйти, потому что всё это казалось лишним и не ко времени. Он представил ту же кухню, только уже без себя: мать, конечно, говорит, не замолкая, и Лада сидит напротив, слушает, иногда отвечает спокойно, без спешки, как будто ей некуда торопиться. Ест, не отказываясь, как он, улыбается, благодарит. Ивана он себе представлять не стал — Иван там с Ладкой, а должен быть он. Юрка поймал себя на этом, разозлился, и почувствовал, что соскучился. Только этого не хватало.

К отделению он подъехал уже окончательно переключившись на работу. Внутри было тихо. Он зашёл в кабинет, сразу открыл окно, выпустил застоявшийся прокуренный воздух, вытряхнул пепельницу в форточку, постучал ею о край подоконника и поставил обратно. Сел за стол, подтянул к себе папку, пролистал несколько листов и закрыл — и так всё помнил. Достал записную книжку, нашёл нужную страницу: «Ланская И.С. — Самгу, “Сказка”, иностранец» — и некоторое время смотрел на запись. Он набрал дежурку, назвал фамилию, подождал, пока там найдут данные, и, когда ему продиктовали адрес, записал: Москва, Южинский переулок. На секунду задержал ручку и негромко присвистнул. «Райончик-то Патриаршие пруды. Живут же люди». Дальше — год рождения, регистрация, работа: Государственный исторический музей, научный сотрудник, не замужем, в квартире зарегистрирована одна. Юрка кивнул, закрыл записную книжку и на секунду остался сидеть, глядя перед собой. Картина не складывалась: с одной стороны — историк-искусствовед, музей, научный сотрудник, жизнь, в которой всё должно быть довольно скромно и предсказуемо, без больших денег. С другой — Южинский переулок, дорогая машина, ресторан «Сказка», иностранец. И убийство в рощице, где ей не было места ни как музейному работнику, ни как шикарной даме.

Он набрал Егорова.

— Андрей Викторович, привет.

— Привет, Юрик. Что у тебя?

— Помнишь, я вчера машину проверял? А ты без труп ехать отказался...

— Только не говори, что труп всё-таки нашёлся!

— Не в багажнике, не боись. Но есть. Который неопознанный был на Полянке. Опознали этот труп. Хозяйка машины — Ланская Ирина Семёновна. Москвичка. Ты по трупу возбудился уже? Странная какая-то дамочка. И последний вечер с иностранцем провела в «Сказке» на Егорьевском шоссе.

— Ничего странного, иностранцы «Сказку» любят, русский стиль. Но не иностранец же её грохнул на Полянке? Там они не бывают.

«Кроме неугомонной американки Ладки Вершининой», — подумал Юра, но вслух не сказал. В бумагах Лада прошла по русскому паспорту, и про её Америку никто особенно не спрашивал.

— Эта Ланская — научный сотрудник в музее каком-то, а живёт на Патриарших, и машина у неё шикарная. Чего её на Полянку понесло?

Егоров помолчал секунду.

— Адрес есть?

— Есть. Южинский переулок.

— Так. Слушай внимательно. Один ты туда поехать не можешь. Сейчас позвоню в Тверское УВД, у меня там приятель работает. Организуют осмотр квартиры. Срочно, чтобы ничего не вынесли. Ты подъедешь, будешь на месте.

— Понял.

В коридоре он перехватил лейтенанта Костю Савельева, который стоял у окна и следил за движениями у магазина напротив. «Видимо, намылился за пивом, — решил Юра, — нет уж, раз не мне, то и ему не фиг!»

— Поедешь со мной.

— Куда?

— В Москву. Прогуляемся.

Савельев оживился.

— А то я уж думал, сегодня без культурной программы.

— Не обольщайся, — сказал Юрка. — Там без экскурсий.

У Егорова всё прошло быстро. он уже договорился, только махнул рукой на бумаги.

— Держи. Осмотр и поручение в Тверское. Там в курсе. Не тяни, Зарубин, а то потом никого на месте не застанешь.

До центра все равно добрались только во второй половине дня. Юрка сразу поехал в УВД, решив там оставить машину, а не искать в центре парковку. Во дворе УВД он поставил «Фольксваген» среди служебных машин, на секунду задержался, как будто проверяя, не выбивается ли тот из общего ряда, и только потом заглушил двигатель. Внутри всё прошло без лишних слов: дежурный уже знал, зачем они приехали, участковый нашёлся быстро. Мельников Михаил Иванович, старший лейтенант, уже не очень молодой, но крепкий, спокойный, без лишних вопросов. Перекинулись парой фраз, сверили адрес, и дальше уже отправились вместе, пешком идти было минут десять. Подъезд был после ремонта: плитка, зеркала, стойка консьержки.

— Здравствуйте, Мария Михална, - поздоровался Мельников почтительно. Юра вежливо кивнул. Консьержка посмотрела внимательно, без лишней приветливости, взяла бумаги, прочитала.

— Мне же звонили, — сказала она. — У меня есть ключ, замок вскрывать не придется. Понятых пригласить?

Консьержка позвонила куда-то, вскоре из лифта вышла пожилая женщина в домашнем платье и мужчина в спортивном костюме, седой, с военной выправкой, видимо ее муж. Они явно были заинтригованы, но любопытства не демонстрировали и вопросов не задавали. Все вместе поднялись в квартиру. Участковый первым вошёл, коротко огляделся, пригласил понятых и только потом кивнул Юрке и Савельеву. Юрка на секунду задержался в прихожей, пытаясь понять, что за человек здесь жил. С первого взгляда было видно, что денег не жалели, но и напоказ это не выставляли: хороший паркет, светлые стены, спокойная, дорогая мебель, всё подобрано без крикливости, всё на своих местах. Встроенный шкаф стоял заподлицо со

стеной, обувь расставлена ровно, ни одной случайной пары, ни брошенной сумки — вообще ничего лишнего.

— Начинаем, — сказал участковый. — С прихожей, дальше по комнатам.

Юрка молча кивнул. Формально тот здесь руководил, и без него всё равно было нельзя, чужая территория, но от этого легче не становилось: он и сам прекрасно знал, с чего начинать и куда смотреть. Всего-то участковый, а изображает из себя большую московскую шишку.

Книги стояли по порядку, не просто поставлены, а именно выстроены; на столе лежали папки, стопка бумаг, всё аккуратно сложено, как будто после каждого движения всё возвращали на место. Фотографий почти не было, только одна рамка на полке, чуть повернутая в сторону, словно её недавно брали в руки и не поставили обратно ровно. Комната была обжитая и в то же время какая-то пустоватая, как бывает там, где человек давно живёт один.

— Ну да... — тихо сказал Юрка. — Исторический музей.

— Смотрите записи, — добавил участковый, уже склонившись над протоколом. — Телефоны, контакты, всё такое.

Как будто без его советов непонятно — Юрка закипал, но сдерживался. Он открыл первый ящик. Записная книжка. Во втором — ещё одна. В столе нашёлся блокнот, несколько листов с телефонами. Он быстро пролистывал страницы, не вчитываясь, проверяя только, есть ли имена и номера, и складывал всё в одну стопку. Он работал быстро, но без лишних движений, как обычно, только не балагурил как у себя.

Савельев тем временем прошёлся вдоль окна, заглянул в соседнюю комнату и повернулся к Юрке.

— Я по соседям пройду, — сказал он.

— Иди, — ответил Юрка, не поднимая головы.

Савельев вышел, прикрыв за собой дверь, а Юрка продолжал разбирать стол, открывая ящик за ящиком. Участковый за спиной шуршал бумагами, что-то вписывал в протокол, иногда уточнял у понятых.

Когда Савельев вернулся, Юрка как раз закрывал последнюю записную книжку.

— Ну? — спросил он.

— Да ничего, — сказал тот. — Жила одна. Тихо. Никого толком не знают. Приходили иногда разные люди, но шумных вечеринок не бывало.

— Понятно, — сказал Юрка. Он сложил всё в пакет, ещё раз оглядел комнату, проверяя, не пропустил ли что-то, и кивнул участковому, что можно заканчивать. Участковый закрыл протокол, дал понятым расписаться.

«Вернусь в Малаховку и напьюсь, а бумаги буду смотреть завтра, - решил Юрка и сразу повеселел, - вот с Савельевым и напьюсь, он не откажет, и домой к маме можно не спешить, а то она никакой жизни не даст. Ладка у Ивана, наверно, ну и ладно. Не пойду к ним, с ними не напьюсь».

Глава 9. Голубая дача

Около полудня Лада и Иван вышли от Тамары Васильевны оба немного оглушенные. Некоторое время шли молча. Разговор не укладывался в голове. Лада вспомнила, что в два часа у нее встреча с Розенбергом у Летнего Сада. Она обещала показать ему место, где был детский дом. Иван покосился на нее.

— Прекрасно. То есть ты должна человеку уверенно показать то, чего сама не знаешь. Хороший план.

— Другого нет.

Он предложил сходить в библиотеку у станции. Не то чтобы он сильно верил в удачу, но сидеть и гадать смысла не было. Лада согласилась сразу. У поворота к Полянке Лада по привычке свернула было туда, потом остановилась и сказала, что нет, так не пойдет. Обход был длиннее, но через Полянку она идти боялась. Иван только кивнул, и они пошли к железной дороге.

Библиотека оказалась на месте — маленькая, с выцветшим расписанием на двери. Внутри пахло бумагой и старым отоплением. За столом сидела женщина в очках на цепочке. Лада сказала, что ищет что-нибудь по старой Малаховке — двадцатые годы, детский дом или колонию. Женщина сначала выслушала без особого выражения, потом оживилась, переспросила пару деталей и встала. Ушла в соседнюю комнату и вернулась с тонкими брошюрами, папкой с вырезками и подшивкой местной газеты.

Листали долго, толку почти не было. Про дачи, про театр, про приезжих — сколько угодно. Про санатории, школу, клуб — тоже. Про детский дом — ничего внятного. В одной заметке мелькнул детский городок, но без адреса и без названия, так что зацепиться было не за что. Иван листал молча. Лада сначала надеялась, потом перестала.

Когда они уже собрались уходить, женщина вспомнила, что старики раньше говорили про Голубую дачу. Говорили, что там до войны было какое-то учреждение, связанное с детьми — то ли общежитие, то ли что-то вроде колонии, она точно не помнит. Дом стоял за школой, большой, с колоннами. Сейчас его уже нет.

На улице Лада почти сразу вспомнила этот дом. За школой стояло большое старое здание с деревянными колоннами у входа, то ли двухэтажное, то ли трехэтажное. Ничего голубого в нем не было, но называли его именно так.

— Голубая дача, — сказала Лада. — А ведь может быть.

Иван сразу понял, о чем она. Он бывал там еще школьником, у одного мальчишки.

— Внутри коридор длинный, — сказал он, вспоминая вслух. — Комнаты по обе стороны. И в конце умывальники подряд, несколько штук. И туалет общий. Не под квартиры это было сделано.

— Ты там был?

— Был. Один или два раза.

Этого Ладе хватило. Дом сразу становился не просто старой дачей, а местом, которое когда-то переделывали под жизнь многих людей сразу.

— Значит, подходит, — сказала она.

Иван посмотрел на часы. До двух оставалось уже немного.

— Успеешь?

— Успею.

— Тогда иди, я тебя дома ждать буду.

Иван повернул к дому, а Лада пошла к Летнему Саду. У ворот она была чуть раньше двух. От входа посмотрела туда, где когда-то был театр. Остова уже не было — его убрали давно, — но место оставалось отмеченным: на низком бетонном столбике стояла табличка с фотографией и текстом. В нем говорилось, что здесь стоял Летний театр, построенный в начале XX века по проекту архитектора Николая Спирина, известный своими летними сезонами; сюда ездили из Москвы, здесь играли молодые актеры и выступали певцы, а в 1999 году театр сгорел. Лада прочитала это быстро и отвернулась.

Розенберг уже ждал ее.

— Вы нашли, где был детский дом? — спросил он после приветствий.

— Да. Пойдемте. И еще я узнала про усыновленного мальчика.

Они пошли вдоль ограды, потом свернули дальше по улице.

— Мальчик действительно был. Его звали Гриша Левин.

Розенберг кивнул и сказал, что это имя ему встречалось. Лада спросила, где. Он ответил после короткой паузы, что в архивных записях. Лада почувствовала какой-то холодок. Искал он Левинера, а не Левина, и говорил, что в архиве ничего не нашли, только ее сестра указала на нее. Странно это. Она постаралась скрыть свое замешательство и спросила, почему он вообще раскапывает эту историю, что ищет. Розенберг стал говорить про двадцатые годы, про еврейских детей, которые затерялись в России в годы революции и им меняли фамилии, вот он и ищет мальчика, усыновленного русской семьей, любые детали его биографии. Говорил спокойно, связно.

— Гришу Левина усыновила семья Суворовых. Мы с вами видели вчера их дом, помните?

— Да, конечно, старинный такой, с башенками. Интересно, а у Гриши сохранился медальон?

Лада вздрогнула и чуть не остановилась. Он и про медальон знает, а она сама узнала о медальоне, как и о мальчике Грише сегодня утром.

— С чего вы взяли, что был медальон?

Розенберг стал объяснять что в детских домах детям давали памятные вещи: цепочки, медальоны, чтобы их потом можно было найти. Какие медальоны в детском доме в Советской России в двадцатые годы! Больше похоже на какой-то сериал – чушь собачья. Но медальон у мальчика Гриши был, и не от Суворовых, у Суворовых он хранил его, чтобы в детском доме не украли. Мутная какая-то история, и сам этот Майкл – тоже. Лада ему совсем не верила.

— Детский дом был дальше по Советской, — сказала она. — За школой. Там стояла Голубая дача, так этот дом местные называли. Большой дом с колоннами, там после войны коммуналку сделали. Оттуда совсем недалеко до дома Суворовых. Вот видите церковь впереди? Сразу за ней, через улицу надо перейти. Но сам дом не сохранился.

Розенберг слушал внимательно, потом стал уточнять — про дом, про расстояние, про то, что осталось. Лада рассказывала, описывала Голубую дачу, не сильно заботясь о правдоподобии. Они дошли до нужного места, там был внушительный, железный забор, а за забором какой-то богатый дом. Розенберг остановился, огляделся, потом снова спросил про дом Суворовых. Лада показала на другую сторону улицы:

— Вон там, левее.

Майкл кивнул и огляделся, как будто хотел запомнить.

— Вы обратно сами дойдете, или мне вас проводить?

— Дойду, мы же все время прямо шли. Спасибо вам большое, Лада. Давайте рассчитаемся, вы на меня много времени потратили.

Лада согласилась. Розенберг вручил ей конверт.

— Мне вам в Москву звонить, если мне еще раз понадобится помощь?

Лада дала ему на всякий случай мобильный телефон Ивана, своим номером она так и не обзавелась. Когда он наконец распрощался и пошел назад к Летнему Саду, она выдохнула с облегчением и заглянула в конверт. Тысяча долларов за два дня непыльной работы, неплохо. Но видеть этого фальшивого насквозь американца ей больше не хотелось даже за деньги. Похоже, он ищет не историю. Ему нужна какая-то вещь, может быть сам медальон, но скорее всего что-то с ним связанное. И он знает гораздо больше, чем говорит.

Лада пошла к дому Ивана, благо он был совсем рядом. Есть очень хотелось, от блинчиков Тамары Васильевны осталось только приятное воспоминание.

Глава 10. Незапертая дверь

Иван, глянув на Ладу, без вопросов понял, что разговор был не из простых. Лада прошла в комнату, сняла куртку и сразу сказала, что хочет есть. Иван усмехнулся, сказал, что дома у него пусто и возиться ему лень, особенно потом мыть посуду.

— Ты же не захочешь мыть посуду?

Лада энергично подтвердила, что не захочет.

— Тогда пойдем на станцию. Там ресторанчик есть неплохой. Накормят быстро, вкусно и без лишних разговоров.

Лада сразу согласилась, и они вышли обратно на улицу.

В ресторанчике было тихо, занято всего пару столов. Иван выбрал место у стены и без долгих обсуждений заказал котлеты по-киевски с гречневой кашей, Ладе — какой-то местный фирменный салат и бутылку вина. Лада заметила, что, в отличие от Юры, Иван к крепким напиткам равнодушен, предпочитает вино и вообще пьет мало. «А он изменился, — подумала она, — раньше я его Ванькой звала, а теперь — ну какой он Ванька! Иван, может, даже Иван Викторович». Салат и вино принесли сразу. Лада начала рассказывать про встречу: сначала про имя, потом про архив, и уже к середине рассказа стало понятно, что Розенберг сказал больше, чем должен был. Иван слушал, не перебивая, только один раз уточнил, говорил ли тот раньше про Левина, и, услышав, что нет, коротко заметил, что это странно.

Лада кивнула и добавила, что он не просто назвал имя, а сказал его так, будто давно знает. И про архив говорил иначе: сначала — что ничего не нашли, потом — что имя встречалось. Иван на это ничего не ответил, только налил ей вина.

Ели молча, потом Лада вернулась к разговору сама. Сказала, что Розенберг еще про медальон заговорил — будто это обычное дело, что детям такие вещи давали. Иван отложил вилку и спросил, откуда тот мог это знать. Лада пожала плечами: объяснял он складно, но это была чушь, в детдоме в те годы никаких медальонов быть не могло. Иван согласился с ней. Американец ищет не историю, а вещь. Но Иван предположил, что медальон и есть эта вещь, может, он ценный. Но Лада усомнилась — ребенок сохранил ценную вещь в гражданскую войну, не отобрали, не убили, не ограбили. Там и не ценную сохранить было трудно.

— Да, загадка, — сказал Иван. — Похоже, мы ищем клад.

— Угу. В доме Суворовых.

Он рассмеялся, но вдруг посерьезнел.

— Но ведь какую-то женщину там убили. Давай-ка к менту нашему зайдем. Он вроде этим делом занимается.

Они доели, допили вино и вышли, сразу повернули к дому Юры. На стук выглянула Тамара Васильевна.

— Нет его, — сказала она, — поздно уже, я волноваться начала.

Они заверили Тамару Васильевну, что время совсем детское, скоро Юрка придет, и пошли домой.

В комнате было уже темно, свет включать не стали. Сели, разговор сначала затих, потом снова вернулся к тому же. Лада говорила, что если что-то и осталось, то в доме Суворовых,

надо просто пойти и все там осмотреть. Иван несколько раз повторил, что лезть в чужой дом — плохая идея, говорил без нажима, но было видно, что он уперся.

Когда совсем стемнело, Лада встала.

— Я к Юре схожу.

— Я с тобой.

— Я не маленькая, сама дойду.

— Надеешься мента уговорить на взлом чужой собственности? Ну-ну. Ладно, я только провожу, поздно уже.

Иван проводил Ладу до Юркиной калитки и ушел.

Юра открыл не сразу. Стоял в дверях, держась за косяк, от него пахло спиртным. Лада прошла внутрь, а он уже шел обратно в комнату.

— Юр, — сказала она.

Он махнул рукой, сел, потом лег прямо на диван, не раздеваясь. Разговора не получится. Лада постояла, вышла, тихо закрыв за собой дверь. До Ивана идти было несколько минут. Он открыл сразу.

— Ну?

— Спит пьяный.

Иван кивнул. Некоторое время молчали.

— Пойдем, — сказала Лада, — ну Ванечка, ну пожалуйста! Я ж спать не смогу. А сейчас темно, никто не увидит. Менты в дом не заходили, женщину на Полянке нашли. Ну миленький, ну пойдем! А то я одна полезу.

— И через Полянку пойдешь? А днем боялась.

Лада вздохнула.

— Любопытство губит кошку. Конечно, боюсь. Но с тобой не так сильно, как без тебя.

Иван вздохнул. Встал, достал фонарик, проверил, работает ли.

— Пошли, Лиса Патрикеевна. Ты мертвого уговоришь.

Вышли на улицу. Сначала пошли по дороге, потом свернули к Полянке. С той стороны к дому было ближе, и их не было видно с улицы. У поворота Лада замедлила шаг, глубоко вздохнула, ухватила Ивана за руку и пошла дальше. Иван ее не торопил. Через кусты по тропинке они вышли к задней стороне участка. Дом стоял темный. Подошли ближе, поднялись на заднее крыльцо. Иван надавил на ручку. Дверь была не заперта. Лада посмотрела на Ивана. Он посветил фонариком внутрь.

Они вошли.

Глава 11. Кукла с медальоном

Юра проснулся поздно, когда солнце уже перебралось через крышу сарая и лежало на подоконнике узкой полосой. Голова болела, во рту было сухо и горько. На кухне гремела посуда. Тамара Васильевна давно встала. Он полежал еще минуту, стараясь не двигаться. И почти сразу вспомнил Ладу. Она приходила ночью. Стояла у него в комнате, что-то говорила. Он даже глаза открыл, видел ее — лицо бледное, испуганное или злое, он не разобрал. А потом он сел на кровать, хотел что-то сказать и уснул, молодец. На кухне звякнула крышка кастрюли.

— Юра! — крикнула мать. — Иди завтракать.

— Не могу я. Меня сейчас от твоих сырников стошнит.

— Нечего было напиваться, — сказала Тамара Васильевна. И уже мягче добавила, — Я, между прочим, старалась.

Он встал, натянул штаны и пошел в коридор к телефону. В дежурке ответил Белов.

— Ты где пропал?

— Дома. У матери давление с утра.

— Давление, значит.

— Значит. Если что серьезное будет, позвони. Я подскочу.

Он повесил трубку раньше, чем Белов успел что-нибудь еще сказать. На кухне Тамара Васильевна сидела в халате и пила чай.

— Врать нехорошо.

— Я не врал. У тебя правда давление.

— У меня от тебя давление. Чего ты опять напился? Случилось что-то?

Юра открыл холодильник. Там стояла вчерашняя бутылка пива, почти пустая. На дверце, за банкой горчицы, нашлась еще одна. С бутылкой и папкой Ланской он вышел во двор и сел под яблоней. Стол был старый, деревянный, с прожженным кружком от самовара и трещиной посередине. На таком хорошо играть в домино или чистить картошку. Тамара Васильевна обычно перебирала на нем смородину. Юра поставил рядом пепельницу, закурил и открыл папку.

Сверху лежал прозрачный файл. На наклейке было написано:

«Заказчик: М., NY».

Ниже, той же рукой:

«Левинер Гирш. Минск. р. ок. 1911».

Юра покрутил файл в руках. Раз написано «заказчик», видимо, она брала какие-то заказы, но какие? Он потянулся к телефону, который мать вынесла ему на удлинителе, чтобы он мог разговаривать во дворе и не таскаться каждый раз в дом.

Сначала он позвонил московскому участковому, с которым вчера ходил по квартире Ланской. Тот ответил не сразу и говорил таким тоном, будто Юра оторвал его от очень важных дел.

— Мельников слушает! А, Зарубин? Помню, помню. Привет.

— Спасибо тебе за вчерашнее.

— Ну, это моя работа, — голос участкового смягчился, — но спасибо не булькает. А я, между прочим, еще кое-что по Ланской выяснил.

— Так я приеду еще, Иваныч, посидим, — Юра подпустил фамильярно-просительную нотку, — я без твоей помощи никак. Что нарыл-то?

— Машина на нее, квартира на нее. При музее числилась. А раньше она, кажется, в антикварном магазине работала.

— В каком?

— Мне не сказали, — он сделал многозначительную паузу, — ею, между прочим, интересовались.

— Неужто ФСБ?

— Они.

Участковый произнес это с таким значением, будто сам вчера лично с ними совещание проводил.

— Приходили ко мне, спрашивали про нее. Я им объяснил, что у нас тут все под контролем.

Юра представил его вчерашнее лицо на обыске и едва удержался, чтобы не усмехнуться.

— И что они спрашивали?

— Да ничего особенного. Спросили, давно ли живет, кто к ней ходит. И про антикварный магазин этот сказали. Я так понял, они не столько ею, сколько магазином интересовались. А я даже не в курсе был, что она там работала, у меня записан только Исторический музей.

Больше ничего интересного Мельников не рассказал, поважничал еще немного, и они распрощались.

Юра еще немного посидел, глядя на яблоню. Не нравилось ему это, совсем не нравилось, смежников он не любил. Особенно когда они где-то уже крутились, потом исчезали, а потом, когда уже что-то начинало складываться, вдруг приходили и говорили, что забирают дело. Хотя они, вроде, не Ланской, а каким-то антикварным магазином интересовались. Кто у нас среди знакомых спец по антиквариату?

Он затушил сигарету и снова взялся за трубку. Номер старого друга Астахова, майора из МУРа, Юра помнил наизусть.

— Зарубин, ты? — весело сказал знакомый голос. — Ты откуда узнал? Поздравить решил?

— С чем?

На том конце коротко рассмеялись.

— Ну ты даешь. Подполковника мне дали. Мы уже по рюмке махнули, вечером идем обмывать. Давай к нам.

По голосу было слышно, что одной рюмкой новоиспеченный подполковник не ограничился. Ну тем лучше, может, по телефону все расскажет.

С Серегой Астаховым Юра был знаком лет семь. Познакомились, когда у одного профессора на даче в Малаховке вынесли старые иконы и серебряные ложки, а потом выяснилось, что это не местные алкаши, а вполне приличный шофер из Люберец, он привозил товар в малаховские магазины. А потом обнес профессорскую дачу и пытался сбыть взятое на рынке в Измайлово. С тех пор Юрка и Астахов пару раз пересекались, ну и выпивали вместе, как без этого. Астахов в МУРе занимался краденными картинами, иконами и вообще всем, что выглядело старым и стоило дорого.

— Серег, ты Ланскую Ирину Семеновну помнишь?

— Ланскую... Это которая у Цукермана подвизалась?

— У какого Цукермана?

— У Марка Иосифовича. Магазин у него был, антикварный. Сначала на Арбате, потом на Поварской. Ты что, по ней работаешь? Помню я ее. Мы Цукермана тогда разрабатывали. Тот еще жучила. Подозревали, что через него старые письма, фотографии, серебро, документы за границу уходят. Она у него сидела оценщицей и консультантом. Мы сперва думали, что она тоже при деле. Но оказалось, что она не барыга и не наводчица. Она искала наследников, старые семьи, кто кому кем приходится, архивы. На иностранцев работала, в основном на эмигрантов.

— А при чем тут эмигранты?

— Да при всем. Приезжает какой-нибудь американец, у него дед еще до революции уехал, была семья, вещи, может, дом, может, картины. Фамилия потерялась, родственники потерялись. Вот Ланская и ищет.

Астахов помолчал, вспоминая.

— Она, кстати, с Крыловым работала. Ты его не знаешь? Костя Крылов. Бывший наш, из МУРа, сейчас частный сыщик. Если надо было кого-то найти, в архив пролезть или понять, кому квартира досталась, это к нему. А у тебя там что-то интересное про нее? — спросил Астахов.

— Пока не знаю, убили ее и никаких концов.

— Ты только аккуратнее, ею же не только мы интересовались.

— Мне уже сообщили про смежников.

— Приходили они ко мне, я для них по ней целую папку собирал. Связи, работа, иностранцы. Так что если у тебя там американцы или наследство, смотри, как бы дело не забрали.

Хорошо, что Астахов был выпивши и вывалил столько информации. Из трезвого пришлось бы клещами тянуть, и точно не по телефону. Тепло распрощавшись и пообещав на днях заскочить обмыть звездочку, Юра повесил трубку.

Он снова открыл файл, но теперь записи обрели смысл. Видимо, Ланская для какого-то М. из Нью-Йорка искала информацию о Гирше Левинере 1911 года рождения. Сверху лежал запрос в архив:

«Прошу сообщить, имеются ли в фондах сведения о воспитанниках Еврейской образцово-показательной детской коммуны имени III Интернационала, пос. Малаховка, Московская губерния, за 1921–1923 гг.» Ниже был ответ. Списки воспитанников не сохранились. Сохранились отдельные документы по персоналу и воспитанникам. Под ним лежало несколько ксерокопий. На одной было подчеркнуто: «Суворов Александр Петрович — воспитатель». Потом копия документа, написанного от руки изящным женским почерком: «Прошу разрешить принять на воспитание несовершеннолетнего Григория Левина, 11 лет...» и подпись: «В. Г. Суво-

рова». Рядом, карандашом: «Левинер = Левин? Минск совпадает. Возраст совпадает». Гирш Левинер стал Гришей Левиным. Ну это не очень удивительно, просто русифицировали имя.

Юра закурил еще одну сигарету. Что-то он засиделся. Надо бы к Ивану зайти. Если Лада у него, спросить, зачем она вчера приходила.

Он встал, сунул ноги в кроссовки и пошел к калитке, но, выйдя на улицу, остановился. Он вдруг очень ясно представил Лад у него дома, на кухне или в беседке, или... она ведь у Ивана ночевала. Юра расстроился, представив себе то, что представлять совсем не хотел. Он постоял еще секунду, захлопнул калитку и пошел через Советскую улицу к палатке.

Палаткой этот магазин называли все, хотя никакой палатки давно уже не было. Старый, темный, деревянный магазин снесли еще в девяностые. Раньше там пахло селедкой, кислой капустой, мокрыми деревянными ящиками, пылью, хозяйственным мылом и почему-то керосином, хотя керосин там, кажется, никогда не продавали. На полках стояли хлеб, водка, консервы, пачки соли, серые макароны, банки кильки в томате и мороженная рыба, если завозили. Рыбой кормили кошек. За нормальными продуктами ездили в Москву. А в перестройку и этого не стало, и в палатке месяцами лежали только трехлитровые банки с березовым соком и морская капуста. Теперь на ее месте стоял маленький домик с башенкой и резными наличниками, похожий на теремок. Дверь открывалась со звяканьем колокольчика. Внутри пахло кофе, копченой колбасой и свежим хлебом. У окна стоял холодильник с йогуртами и импортной водой, дальше — полка с дорогими сырами, банками маслин и странными печеньями, которые никто в Малаховке не покупал. Но были и нормальные вещи: колбаса, пельмени, сметана, сигареты, разное пиво, кошачий корм, замороженные котлеты, хлеб из местной пекарни и мороженое.

Юра толкнул дверь и сразу увидел Ивана. Тот стоял у холодильника в старых шлепанцах, в джинсах и серой футболке. Видно было, что вышел из дома на пять минут по соседству. В руках у него была коробочка мороженого.

— Бог ты мой, — сказал Иван, обернувшись. — Ты живой.

— С трудом.

— Вид у тебя, как будто тебя в вытрезвитель возили и обратно не довели.

Юра буркнул что-то невнятное и подошел к холодильнику с пивом.

— А ты чего покупаешь?

Иван посмотрел на коробочку так, будто это была важная государственная тайна.

— Ладе мороженое черносмородиновое.

Юра знал это мороженое, его делали где-то здесь, в Малаховке или в Быкове, и нигде больше такого не было. Сливочное, с настоящей черной смородиной, светло-лиловое, с мелкими ягодными косточками. Местные ворчали, что дорого, за такие деньги можно две пачки обычного купить, но все равно брали, когда хотели кого-нибудь порадовать.

— Балуетесь, — сказал Юра.

— А чего не побаловать. Она с утра мой компьютер оккупировала, сидит в беседке, что-то ищет. Сказала, что ей срочно надо.

Юра почувствовал, как внутри сразу отпустило. Не совсем, конечно, но хоть чуть-чуть. Значит, они не в постели, а просто сидят у Ивана в беседке, за компьютером. Но мороженое ей Иван специальное покупает, дорогое. Иван человек не бедный. Но одет он не слишком нарядно, герои-любовники в грязноватых майках не ходят. Хотя Иван обычно ходит в чистых майках, это он явно дурака валяет.

Он взял бутылку пива, потом еще одну. Рука сама потянулась к полке с водкой. Он даже посмотрел на ценник, но вспомнил, как Лада стояла ночью у него в комнате, а он сидел на кровати и только мычал, и убрал руку.

— Ты чего дома? — спросил Иван. — Сегодня же не воскресенье.

— У матери давление, — сказал Юра машинально, он думал, попроситься к Ивану сейчас или потом, попозже зайти.

— Мы вечером зайдем, — сказал Иван. — Я и Лада. Часов в семь. Ты хоть побрейся, а то она тебя вчера, по-моему, испугалась.

Юра мрачно посмотрел на него, расплатился и вышел. Пиво он открыл сразу, как вошел в калитку, не дойдя до столика. Первая бутылка, которую он нашел утром в холодильнике, помогла мало. Эта пошла лучше. Он сел под яблоней, вытянул ноги и медленно допил почти до конца. Голова перестала так противно стучать, и мир сделался менее враждебным. Когда Тамара Васильевна позвала обедать, он уже смог смотреть на еду без отвращения.

Тамара Васильевна поставила на стол щи, котлеты с картошкой и все поглядывала на него поверх очков, как будто проверяла, не сбежит ли он опять с сигаретой и бутылкой.

— Ну что у тебя? — спросила она, когда он доел вторую котлету. — Ты с утра сам не свой. Юра!

— Мам, ты же знаешь, тайна следствия.

— Да? А вчера ночью, когда ты в кроссовках на кровать лег и куртку не снял, никакой тайны следствия не было.

Юра усмехнулся. Отпираться было бесполезно.

— Женщину убили. Она в старых бумагах копалась. Что-то искала в Малаховке, какая-то история двадцатых годов прошлого века. Что за тайны столетней давности, за которые убить могут? Вот, посмотри, чушь какая-то.

Он вытащил маленький листок. Остальные бумаги показывать не хотелось, еще не хватало, чтобы мать влезла во все это с головой. Тамара Васильевна надела очки. На бумажке карандашом было написано:

«Ш. Художник. Рис. 21–22».

— Господи, Юра. Художник на Ш. — это наверняка Шагал.

— Какой еще Шагал?

Тамара Васильевна даже руками всплеснула.

— Марк Шагал, знаменитый художник, эмигрант. Ну в кого ты такой дикий? Я тебя в детстве в музеи водила, между прочим, и в Пушкинский, и в Третьяковку. А ты там только ныл и мороженое выпрашивал.

— Ну извини. Не вырос культурным человеком.

Она встала и ушла в комнату. Вернулась через минуту с большим тяжелым альбомом в потертой серой суперобложке. На обложке было написано: «Музеи мира. Париж. Национальный музей современного искусства».

— Купила еще сто лет назад. Тогда возле метро чего только не продавали. Альбомы, книги, открытки. Я увидела и купила.

Она положила альбом перед ним и раскрыла где-то на середине. Юра увидел город, перевернутый набор, зеленого человека, красную корову и двух людей, летящих над крышами.

— Ничего себе.

— Это и есть Шагал. У него все такое, люди летают, козы ходят по крышам, скрипачи висят в воздухе. Он родился в Белоруссии, в Витебске. Эмигрировал и стал всемирно известным художником. В СССР потом приезжал только один раз в 1973. Я на его выставке была. Он уже старенький был. А в двадцать первом-двадцать втором он жил в Малаховке и учил детей рисовать в еврейской колонии-коммуне, не помню, как она называлась.

— Еврейская образцово-показательная детская коммуна имени III Интернационала. Я только что в бумагах прочитал. А Александр Петрович Суворов в этой коммуне работал?

— Конечно. Вера Григорьевна потом всю жизнь говорила, что они с Шагалом были знакомы. Александр Петрович там воспитателем был и с Шагалом был хорошо знаком.

Тамара Васильевна внимательно посмотрела на него.

— Если твое дело связано с какими-то работами Шагала, то вполне возможно и убийство, и что угодно. Его работы того времени не сохранились. Юра, ты во что влез? Будь осторожнее!

— Мам, я ни картинами, ни антиквариатом не занимаюсь. Это Астахов специалист. Помнишь его?

— Помню. Ну ему свой труп и отдай!

Юрка засмеялся, чмокнул мать в щеку и пошел курить. Информация, которую он получил, многое объясняла, или еще больше запутывала, как посмотреть.

После обеда его разморило, он едва не задремал прямо на диване, потом посмотрел на часы и выругался про себя. Было только начало пятого. Через пару часов должна была прийти Лада. Он вернулся на кухню, поставил турку и сварил крепкий кофе. Выпил, закурил у окна и вдруг почувствовал, что от него все еще пахнет вчерашним перегаром и сегодняшним пивом. Юра поморщился, пошел в ванную и долго чистил зубы. Потом постоял перед зеркалом, посмотрел на свою щетину и включил душ. Сам себе он казался идиотом. Но Лада вчера видела его пьяным и жалким, сегодня ему хотелось выглядеть человеком.

Душ немного привел его в чувство. Юра побрился, надел чистую рубашку, потом посмотрел на себя в зеркало и сменил ее на другую, попроще, не такую новую, чтобы не выглядело, будто он собрался не сидеть дома в отгуле, а идти на свидание. Когда он вернулся на кухню, Тамара Васильевна только покосилась на него поверх очков и едва заметно усмехнулась.

К семи уже начинало темнеть. Юра сидел у окна с третьей чашкой кофе и делал вид, что читает бумаги Ланской, хотя на самом деле уже минут десять смотрел только на калитку и кусок Советской улицы за ней. От палатки через дорогу падал желтый свет, по улице прошли две соседки с сумками, потом чей-то мальчишка на велосипеде, потом долго не было никого, и Юра уже начал злиться на себя за то, что вообще сидит и ждет, как влюбленный дурак.

Когда наконец скрипнула калитка, он вскочил слишком быстро и чуть не опрокинул стул.

Первым вошел Иван. Он был все в той же серой майке, только сверху набросил старую ветровку. За ним вошла Лада. Волосы у нее были собраны, лицо усталое, бледное, и под глазами залегли тени, но, увидев Юру, она на секунду задержала взгляд на его чистой рубашке и выбритом подбородке.

— Ну вот, — сказал Иван, оглядев его с порога. — Теперь хоть на человека похож.

— А утром не был? — спросил Юра.

— Утром ты был похож на человека, которого в вытрезвитель не взяли из жалости.

Лада усмехнулась, устало, почти через силу, и Юре почему-то стало легче.

Тамара Васильевна выглянула из кухни, велела всем проходить, поставила на стол чайник, пирог и вазочку с вареньем, сказала, чтобы наливали сами, если захотят еще, и ушла к себе. Почти сразу стало тихо, только часы на стене тикали слишком громко, да за окном кто-то прошел по Советской, шаркая ногами по сырой земле.

Лада сидела, обхватив чашку обеими руками, хотя чай давно остыл. Несмотря на усталость, глаза ее блестели.

— Мы были в доме, — сказала она. — У Суворовых.

Юра сразу перестал вертеть ложку, у него все равно неприятно кольнуло под ребрами.

— Там кто-то уже был до нас. Все вывернуто, бумаги на полу, ящики вытащены, в комнате Веры Григорьевны шкаф открыт настежь, все старые папки перебраны. Искали что-то маленькое. Не деньги, не вещи.

— Фотографии, бумаги, — сказал Иван, откинувшись на спинку стула. — Что-нибудь, что можно сунуть в карман. И это не старые следы. Кто-то там был совсем недавно.

Юра молча встал, принес папку Ланской и положил на стол. Лада сразу подалась вперед, и он заметил, что у нее еще влажные виски, будто она тоже недавно принимала душ. Неужели и она старалась выглядеть лучше?

— У меня тоже кое-что есть.

Он вытащил лист с архивным запросом, потом ответ, потом копию заявления Веры Григорьевны. Лада читала быстро, почти жадно, и чем дальше, тем неподвижнее становилось ее лицо.

— «Еврейская образцово-показательная детская коммуна имени Третьего Интернационала» — медленно прочитала она. — Значит, вот что она искала.

Юра положил рядом маленький листок.

«Ш. Художник. Рис. 21–22».

— А это что? — спросила Лада.

Юра почувствовал почти детское удовольствие от того, что и сам уже знает ответ.

— В двадцать первом-двадцать втором Марк Шагал преподавал там рисование, — сказал он как можно спокойнее. — Скорее всего, Ш. — это он. Мать мне объяснила. И альбом показала, старый, про музеи. Там у него люди летают и козы по крышам ходят. А Александр Петрович тоже учитель рисования, и они были знакомы!

Лада посмотрела на него чуть удивленно, потом улыбнулась, и от этой короткой улыбки Юра окончательно понял, что весь вечер брился, пил кофе и менял рубашки не зря.

— Ну надо же, — сказала Лада. — Юра Зарубин рассуждает про Шагала.

— Я вообще многогранная личность.

— Особенно после трех бутылок пива, — лениво заметил Иван.

Юра посмотрел на него неприязненно, но Лада уже снова наклонилась над бумагами.

— Значит, Ланская решила, что если от Гриши Левина что-то осталось, искать надо через Суворовых. Поэтому она и поехала в дом.

— И не одна, — сказал Иван, — кто-то ее грохнул. Да и дом она не одна обыскивала, там жуткий бардак.

Несколько секунд все молчали. За окном совсем стемнело, желтый свет от палатки ложился на мокрый забор и край яблони, и от этого кухня казалась еще меньше.

— Она была в ресторане «Сказка» на Егорьевском с каким-то иностранцем. И с ним вместе ушла, оставив машину на парковке, за машиной не вернулась.

Лада и Иван переглянулись.

— Розенберг? Кстати, его зовут Майкл, и он из Нью-Йорка, — сказала Лада.

Юра не знал ничего про Розенберга и некоторое время они обменивались информацией.

— Выходит, он убийца, а ты, Ладка, с ним шляешься! — воскликнул Юра.

— Уже не шляюсь, он мне даже деньги заплатил. Тысячу за два дня.

— Нет, ребята, — вмешался Иван, — денег он дал много, и мужик он мутный, но американец обыскивает чужой дом, душит женщину на Полянке и уходит незамеченным... Сомнительно.

— Но ушла-то она с ним и в ресторан не вернулась! — тут взгляд Лады упал на визитку, выпавшую из файла «Константин Крылов. Частный детектив», — а это еще кто?

— Бывший муровец, — объяснил Юра. — С Ланской работал. Мне сегодня про него Астахов рассказал. Если надо было кого-нибудь найти, узнать, кому дом достался, через архивы пролезть, это к нему.

Иван скривился.

— Бывший мент. Замечательно.

— Не начинай.

— А я и не начинаю. Просто не люблю людей, которые всю жизнь копаются в чужих делах, а потом делают вид, что это работа.

Юра хотел огрызнуться, но Лада, не поднимая головы от визитки, сказала:

— Завтра надо бы к нему съездить, он может что-то знать, если Ланская его нанимала.

— Я поеду, — сказал Юра.

— Я с тобой.

Иван поставил чашку на стол чуть сильнее, чем было нужно, и усмехнулся, хотя веселья в этой усмешке не было.

— Разумеется. Вы вдвоем поедете в Москву к бывшему менту, а я, значит, должен сидеть здесь и ждать.

— Иван...

— Да ничего. Я в Москву не поеду и к бывшим ментам тоже. Прокатитесь, дети мои, — тепла в его голосе не было.

Лада посмотрела сначала на одного, потом на другого и сказала почти сердито:

— Господи, вам уже не шестнадцать лет и я – не Елена Прекрасная. Прекратите задираться.

Юра пообещал зайти завтра за Ладой, и они с Иваном ушли. Иван вышел первым, сунув руки в карманы ветровки и не оглядываясь. Лада задержалась у калитки.

— Ты когда зайдешь? — спросила она тихо.

— На работу заскочу, предупрежу их о следственных действиях и за тобой.

Она кивнула, постояла еще секунду, будто хотела добавить что-то еще, и пошла за Иваном. Юра смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом, потом вернулся в дом, где на столе все еще лежала визитка Крылова, а рядом бумажка с корявым «Ш. Художник. Рис. 21–22». До утра оставалось не слишком много времени.

Глава 12. Шелковый след

Утром Юра зашел в отдел ненадолго, только чтобы забрать экспертизу, отзвониться Егорову и ехать дальше. Как всегда, стоило переступить порог, как сразу потянуло знакомой канцелярской пылью, застоявшимся табаком, и чем-то еще, что было во всех райотделах сразу и не выветривалось никогда, сколько ни держи форточки открытыми. На его столе уже лежал тонкий серый конверт. Юра сел, достал заключение и быстро пробежал глазами первую страницу, потом вернулся к нужному месту и перечитал внимательнее. По выводам судебно-медицинской экспертизы выходило, что Ланскую задушили не руками и не чем-то жестким, а узким мягким предметом из шелковой ткани; на шее остались характерные следы сдавления, под ногтями ничего существенного не обнаружили, следов борьбы не было. Он невольно перебрал про себя самые простые варианты — шелковый шарф, шейный платок, галстук, — и сразу отложил бумагу на край стола, потому что пока это было не больше чем способом представить себе чужую смерть, а не ответом на вопрос, кто именно стоял рядом с Ланской в тот момент, когда она еще не успела испугаться.

Егоров ответил не сразу, и Юра успел за это время еще раз просмотреть экспертизу. Он коротко пересказал все, что успел выяснить за вчерашний день: про американца из Нью-Йорка, который приехал в Малаховку искать семью Левинер и старые бумаги, работу Ланской у антиквара, ее связи с бывшим муровцем Крыловым, бумаги про Суворовых, Шагала и коммуны. Егоров слушал молча, не перебивая, только один раз хмыкнул, когда Юра дошел до американца.

— Значит так, — сказал он наконец. — По американцу, как его там — Розенберг? — надо отработать гостиницу, регистрацию, когда въехал, на чем передвигался и с кем виделся. Дам поручение, пусть поднимут. А ты сейчас съезди к этому Крылову, опроси его по Ланской и по этому американцу. Если иностранец в ресторане и этот американец — один и тот же человек, то он последний, кто с ней общался.

— Понял.

— Только это пока не допрос, а оперативная проверка. Поговоришь, посмотришь, что за человек, что сам расскажет. Если там что-то будет, вызовем официально.

— Ясно.

— И еще, — добавил Егоров уже чуть суше, — версию с семьей Суворовых проработай тщательно. Если в доме рылись, значит, связь есть. План следственных мероприятий составь. В деле иностранец, антиквариат — надо, чтобы все бумаги были в идеальном порядке. А то еще ФСБ нарисует.

— Уже.

— Что — уже?

— Они уже Ланской интересовались, они антиквара разрабатывали.

— Тем более! Я как чувствовал!

Юра положил трубку, выдвинул ящик, достал визитку Крылова и набрал номер. Ответили быстро, почти без гудков, как будто человек сидел рядом с телефоном и с утра уже ждал звонков.

— Крылов.

Голос был ровный, спокойный, без московской спешки и без той вежливой раздражительности, с которой обычно разговаривают люди, привыкшие, что им мешают работать.

— Константин Сергеевич? Зарубин, уголовный розыск, Малаховка. Мне нужно с вами поговорить по поводу Ирины Семеновны Ланской.

Пауза в трубке была короткой, но не пустой; Юра даже представил, как человек на другом конце чуть откинулся на спинку кресла, прикинул что-то про себя и только потом ответил.

— Да, конечно. Что именно вас интересует?

— Лучше лично.

— Приезжайте. Я до трех на месте.

Юра отметил, что Крылов говорит очень спокойно, без нажима, но так, будто привык, что ему отвечают сразу и без лишних вопросов.

Он назвал адрес, Юра записал на полях старой повестки, уточнил, как войти со двора, и, когда разговор закончился, еще раз посмотрел на часы. Если ехать, то надо было ехать сразу, без лишних хождений туда-сюда, потому что потом начнется -- Москва, пробки, чужие задержки, и вся эта простая утренняя затея расползется до вечера. Он сунул экспертизу в папку, запер ящик и вышел во двор. На капоте его старого «Фольксвагена» успела осесть тонкая пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.